

INSPIRIA

ДИАНА КУК

НОВЫЕ ДЕБРИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

INSPIRIA

Loft. Букеровская коллекция

Диана Кук
Новые Дебри

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кук Д.

Новые Дебри / Д. Кук — «Эксмо», 2020 — (Loft. Букеровская коллекция)

ISBN 978-5-04-161719-6

Нигде не обживаться. Не оставлять следов. Всегда быть в движении. Вот три правила-кита, которым нужно следовать, чтобы обитать в Новых Дебрях.

Агнес всего пять, а она уже угасает. Загрязнение в Городе мешает ей дышать.

Беа знает: есть лишь один способ спасти ей жизнь – убраться подальше от зараженного воздуха. Единственный нетронутый клочок земли в стране зовут штатом Новые Дебри. Можно назвать везением, что муж Беа, Глен, – один из ученых, что собирают группу для разведывательной экспедиции. Этот эксперимент должен показать, способен ли человек жить в полном симбиозе с природой. Но было невозможно предсказать, насколько сильна может стать эта связь. Эта история о матери, дочери, любви, будущем, свободе и жертвах.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-161719-6

© Кук Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I	9
Часть II	36
Часть III	40
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Диана Кук

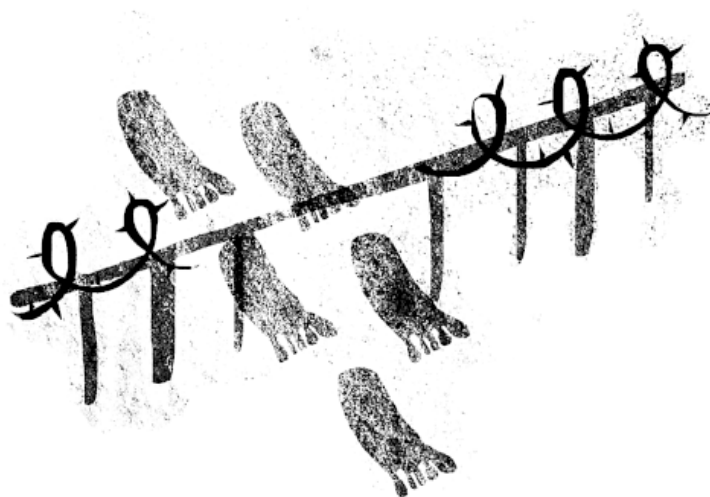
Новые Дебри

Diane Cook
THE NEW WILDERNESS

Copyright © 2020 by Diane Cook
Design by Ben Summers

© Сапцина У., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ДИАНА
КУК

НОВЫЕ
ДЕБРИ

INSPIRIA

Москва
2022

Посвящается моей матери Линде и моей дочери Касадоре

и Хорхе

*...Я рад, что никогда не буду юным без уголка дикой природы,
чтобы провести там юность. Что толку в сорока свободах, если на
карте нет белых пятен?*

Альдо Леопольд

*Возьми меня отсюда, возьми меня отсюда,
Здесь ненавижу все, возьми меня отсюда.*

Алекс Чилтон

Часть I

Баллада о Беатрис

Ребенок, появившийся из Беа, был цвета синяка. Беа прижгла пуповину примерно посередине между ними, размотала ее с тонкой шейки девочки и, хотя знала, что без толку, взяла дочь на руки, постучала по дряблой грудке, сделала несколько неглубоких вдохов в скользкий от слизи ротик.

Вокруг нее ширилась единственная известная сверчкам песня. Кожу Беа припекало. Пот засыхал на спине и лице. Солнце вскарабкалось до высшей точки и теперь быстрее, чем следовало бы, должно было снова снизиться. Стоя на коленях, со своего места Беа видела их Долину со всеми ее потаенными травами и полынью. Вдалеке высились одиночные скалы, ближе – земляные сопки, похожие на каирны, обозначающие путь куда-то. Кальдера резко белела на горизонте.

Беа копала твердую землю сначала палкой, потом камнем, потом вычерпывала и приминала руками. Подхватила и переложила в ямку плаценту. Потом девочку. Ямка была мелкой, живот ребенка выступал над ней. На влажное после родов тельце налипли крупный песок и мелкие золотистые почки, сбитые с ломких от жары стеблей. Беа присыпала пылью лоб ребенка, вытащила из своей оленьей сумки несколько увядших зеленых листьев, разложила по девочке. Сломала несколько грубых стеблей разросшейся вокруг полыни, положила поверх выпирающего живота, до нелепости узких плеч. Ребенок стал бесформенным холмиком растительной зелени, ржаво-красной крови, тускло-фиолетовой карты жилок под влажной салфеткой кожи.

Зверье, почуявшее его, уже подбиралось. Кружащие в небе грифы теряли высоту, словно проверяя, как идет дело, и снова поднимались в термальных потоках. Слышалась осторожная поступь койотов. Они пробрались сквозь заросли цветущей полыни – мать и трое тощих щенков возникли в рваной тени. Беа слышала, как они вяло зевают, срываясь на скулеж. Подождут.

Налетел ветер, она вдохнула пыльного зноя. И затосковала по застойным запахам больницы палаты, где она рожала Агнес. Должно быть, теперь уже восемь лет тому назад. По тому, как кусачая рубашка натягивалась на груди, и сбивалась, и путалась в ногах, стоило попытаться лечь на бок. Как обдувало прохладным воздухом ее бедра и между ног, куда врачи и медсестры и глазели, и тыкали чем-то, и вытаскивали Агнес из нее. Это ощущение она терпеть не могла. Такое оголенное, обиденное, животное. Но здесь были только сплошная пыль и горячий воздух. Здесь ей пришлось направлять тощее тельце – после пятимесячной беременности? Шести? Семи? – одной рукой, а другой загораживать его от пикирующей сороки. Через это ей хотелось пройти одной. Но чего бы она только не отдала за прощупывающую руку в перчатке, за затхлый воздух из системы рециркуляции, гудящие приборы, свежие простыни под ней вместо пустынной пыли. За хоть какой-то стерильный комфорт.

Чего бы она только не отдала за свою мать.

Беа зашипела на койотов.

– Брысь! – прикрикнула она, швыряя в них только что вырытой землей и галькой. Но те лишь прижали уши, мать присела на задних лапах, и щенки сунулись покусывать ей морду, раздражая ее. Наверное, улизнула потихоньку из стаи, чтобы добыть своему выводку лишний кусок или поучить щенков искать падаль, потренировать в выживании. Как и полагается матери.

Беа согнала муху с глаз ребенка, которые поначалу казались изумленными неудачей, а теперь – укоризненными. Истина заключалась в том, что этого ребенка Беа не хотела. Только

не здесь. Было бы неправильно привести ее в этот мир. Вот как ей постоянно казалось. А если эта девочка уловила страх Беа и умерла потому, что была нежеланной?

Беа поперхнулась.

– Это к лучшему, – сказала она девочке. Ее глаза заволокли облака, которые клубились над головой.

Во время одного ночного перехода, еще когда у нее был фонарик и она таскала с собой батарейки, чтобы он работал, в луч света попали два блестящих глаза. Она хлопнула в ладоши, чтобы спугнуть глаза, но они лишь нырнули вниз. Зверь был высоким, но припадал к земле, может, сидел, и Беа испугалась, что он ее выслеживал. У нее заколотилось сердце, она ожидала приступа ледяного ужаса, какой до этого испытывала пару раз. Опасности для ее внутреннего ощущения бытия. Но так и не дождалась. Она подошла ближе. Глаза опять сделали нырок – просительно, как у подчиняющейся собаки, но это была не собака. Пришлось подойти еще ближе, прежде чем она поняла, что это олень с покатою спиной, острыми ушами, смиренно подрагивающим хвостом. Потом Беа увидела в луче фонаря еще один глаз, маленький, – он не смотрел на нее, а нерешительно моргал. Олениха тяжело встала на ноги, и моргающий глаз тоже поднялся, пошатываясь. Это был влажно поблескивающий олененок на трясущихся ножках-зубочистках. Беа стала невольной свидетельницей рождения. Тихого, в потемках. Беа подкралась к оленихе-матери как хищник. И в тот момент матери не оставалось ничего другого, кроме как склонить голову, словно умоляя о пощаде.

Беа мало о чем позволяла себе сожалеть в те дни, непредсказуемые дни, полные настолько неприкрытого, животного выживания. Но хотела бы пойти в ту ночь другим путем, чтобы не увидеть те глаза при свете своего фонарика, чтобы олениха могла родить, обнюхать и вылизать дочиста своего детеныша, получила шанс подарить малышу первую, ничем не запятнанную ночь, прежде чем начнется труд выживания. Вместо этого изнемогающая от усталости олениха заковыляла прочь, а растерянный, спотыкающийся олененок – следом за ней, и таким стало начало их жизни вдвоем. Вот почему несколько дней назад, когда Беа заметила, что больше не чувствует пинков, икоты и трепыхания, и догадалась, что ребенок умер, она поняла, что хочет в этих родах остаться одна. Им предстояло стать единственным моментом, который они проведут вдвоем. Она не желала ни с кем делиться. Не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее собственную усложненную версию горя.

Беа испытующе взглядела в койотиху.

– Ты-то понимаешь, да?

Койотиха нетерпеливо переступила с лапы на лапу и облизнула желтые зубы.

Издали, со стороны невысокого хребта, до которого оставались еще предгорья и предгорья ходьбы, до нее долетел безрадостный вой; какой-то бдительный волк увидел стервятников и подавал знак близкой поживы.

Ей пора было уходить. Солнце садилось. А теперь еще узнали и волки. Она следила, как ее тень становится длиннее и тоньше – от этого зрелища на нее всегда нападала тоска, как будто она видела собственную голодную смерть. Она поднялась, распрямила рябые от песка колени, смахнула пустыню с кожи и рваной туники. Глупо было пытаться вернуть к жизни то, чему, как она знала, суждено умереть. Ей казалось, что Дебри уже вытравили из нее всю сентиментальность. Об этом моменте она не расскажет никому. И Глену, которому, как она думала, хотелось собственного ребенка больше, чем он отваживался признать. Не расскажет и Агнес, хотя, как ей казалось, Агнес захотела бы узнать о младшей сестре, которая так и не возникла во плоти, захотела бы понять тайные частности своей матери. Нет, она будет придерживаться краткой версии. Младенец не выжил. Как и многие другие. Так что наша жизнь продолжается.

Она повернулась, не бросив больше ни единого взгляда на девочку, которую хотела назвать Маделин. Дала койотихе резкого пинка, целясь в выпирающие ребра. Псина взвизг-

нула, шарахнулась, потом зарычала, но у нее имелись дела более насущные, чем оскорбление, нанесенное человеком.

Беа слышала за спиной шорох земли и тьяканье. И хотя нарастающее возбуждение шавок напоминало плач новорожденного, знала, что это всего лишь звуки голода.

* * *

Безошибочно угадывающаяся тень тропы вела к лагерю. Трудно было понять, как она появилась – под воздействием самой Общины, живности, прокладывающей свои звериные тропы, или остатков всего, что населяло эти земли до того, как они стали штатом Дебри. А может, ее наметила одна только Беа. Сюда она приходила так часто, как могла, всякий раз, когда они кочевали через Долину. По этой причине и выбрала его для Маделин. Было что-то неуловимое в этом пейзаже. В Долине, которая казалась такой укромной. Ее впадина с зелеными травами и колючим кустарником лежала чуть ниже окрестных земель, поэтому из нее открывался тайный вид на горизонт и чернильные горбы гор близ него. Вся земля в пределах видимости складывалась в мозаику размытых, приглушенных тонов. Как же тут красиво, и тихо, и уединенно, думала она. Место, откуда не хочется уходить. Беа вновь испытала мимолетное облегчение от того, что оставила Маделин здесь, а не лицом к какому-нибудь неизвестному ландшафту, как мать, не сумевшая извернуться достойно.

Беа слышала голоса остальных из лагеря. Они разносились над ровной пустой землей и падали к ее ногам. Но ей не хотелось возвращаться к ним, к их вопросам и, что, возможно, еще хуже, к их молчанию. Незаметно отступив, она вскарабкалась по валунам к неглубокой пещерке, где нравилось бывать ее семье. К их секретному насесту. Впереди и чуть выше она видела мужа Глена и дочь Агнес: сидя на коленях на земле, они ждали ее.

Беа видела, как Глен сосредоточенно хмурит брови, вертит лист, держа его за черешок, разглядывает со всех сторон, указывает что-то на его зеленой прожилке, чтобы Агнес видела, просит обратить внимание на некую примечательную деталь его привычной формы. Оба склонились над листом, будто он выдавал им свои секреты, и их лица осветились радостью.

Глен заметил Беа и замахал рукой, зовя ее к ним. Агнес сделала то же самое: широкий и неловкий взмах ее руки, улыбка, открывающая недавно выпщербленный зуб, отколотый о валун. «Неужели нельзя было отбить молочный?» – думала Беа, держа голову дочери в ладонях и оценивая ущерб под ее яркой от крови губой. Агнес стояла смирно и молча, единственная слезинка выкатилась из ее глаза и промыла дорожку на чумазом лице. Только тогда Беа поняла, как расстроило ее случившееся. Как зверек, Агнес застывала, когда пугалась, и срывалась с места в случае угрозы. Беа полагала, с возрастом Агнес изменится. Станет ощущать себя в меньшей степени добычей и в большей – хищником. Читалось что-то такое в улыбке ее дочери, некое безымянное знание. Это была улыбка девочки, ждущей своего часа.

– Вот этот – от ольхи, – говорил Глен, когда Беа приблизилась к ним. Он взял ее за руку, нежно поцеловал ее и медлил отпустить, пока она не высвободила ее сама. Она заметила, как он бросил быстрый взгляд на ее живот, и вздрогнула.

Он приготовил горячей воды в грубой деревянной миске, но к этому времени она уже успела остыть до температуры воздуха. Беа присела рядом с ними на корточки, подняла подол туники, развела колени. Зачерпывая воду ладонью, она осторожно обмывала у себя под подолом между ногами растянутые, тощие складки, заляпанные ляжки. Она еще кровоточила, но, насколько могла оценить, не порвалась.

Агнес приняла ту же позу, по-лягушачьи расставив тонкие ножки, плескала на себя воображаемой водой и внимательно наблюдала за Беа и, кажется, старалась не смотреть туда, где был ребенок.

У Агнес шел период подражания. Беа видела такое у животных и у других детей. Но у Агнес он чем-то обезоруживал ее. До недавних пор она понимала дочь. А примерно в то время, когда листья в прошлый раз сменили цвет, Агнес стала для нее чужой. Беа не знала, обычное ли дело эта трещина в отношениях родителей с детьми или матерей с дочерьми, или же некое особое испытание, которое ей с Агнес предстоит вынести. Здесь, на этой земле, Беа не удавалось сбрасывать со счетов то, что раньше она сочла бы просто нормальным явлением, потому что все стороны их жизни здесь были какими угодно, только не нормальными. Агнес ведет себя нормально для ее возраста – или, возможно, убеждена, что она волчица?

Агнес только что исполнилось восемь лет, но она об этом не знала. Они больше не праздновали дни рождения, потому что больше никак не отмечали смену дней. Но Беа обратила внимание на цветение некоторых растений, когда они только прибыли сюда. Тогда Агнес только минуло пять лет. По календарю шел апрель. В первые несколько дней Беа замечала во время переходов поляны с фиалками. А к тому моменту, как увидела фиалки вновь, наверняка прошел целый год – они испытали на себе летний зной, они видели, как листья сменили цвет, дрожали от холода в заснеженных горах. Снег сошел. Фиалки она видела четыре раза. Четыре дня рождения. Она поняла, что восьмой день рождения Агнес пришелся на какой-то из дней с последнего полнолуния, когда заметила фиалки среди травы у предыдущего лагеря. Когда они только прибыли, Агнес была так тяжело больна, что Беа сомневалась, что ей когда-нибудь вновь доведется увидеть фиалки вместе с дочерью. Но они расцветали, и Агнес носилась среди них.

Беа ползком пробралась в дальний угол неглубокой пещерки. Из выемки за валуном, которую она вырыла в первый раз, когда они встали здесь лагерем, она вытащила диванную подушку и журнал по дизайну и архитектуре с одним из ее проектов по обновлению декора. Журнал был общенациональный, материал в нем стал поворотным пунктом в ее карьере, хотя вскоре после публикации она уехала в Дебри. Два своих сокровища она вывезла из Города контрабандой и, вместо того чтобы носить их с собой, подвергая губительному воздействию стихий, а саму себя – презрению остальных, спрятала их, откровенно пренебрегая правилами, изложенными в Инструкции. Когда они проходили через Долину, что случалось несколько раз каждый год, она извлекала из тайника свои сокровища, чтобы хоть немного ощутить себя собой.

Она села рядом с Гленом и обняла свою подушку. Потом пролистала несколько своих разворотов, вспоминая, какие решения принимала и почему. Вспоминая, каково это – чувствовать, что у тебя есть дом.

– Если Смотрители найдут их, нам влетит, – сказал вечно озабоченный правилами Глен, как обычно говорил, когда она доставала свои сокровища.

Она насупилась.

– Ну и что они нам сделают? Выгонят вшаей из-за несчастной подушки?

– Мало ли, – пожал плечами Глен.

– Успокойся, – сказала она. – Их ни за что не найдут. А мне они нужны. Чтобы помнить, какие они, подушки.

– А разве из меня плохая подушка?

Как мило он это сказал.

Беа взглянула на него: кожа да кости. Оба они одинаковы. Даже ее живот, едва выпятившийся во время беременности, сразу же стал впалым. Под ее взглядом Глен неловко и коротко улыбнулся. Она кивнула. Он ответил кивком. Потом, не сводя глаз с Агнес, старательно изобразил длинный, громкий и томный зев. Агнес тоже зевнула – широко, на целый кулак растягивая рот.

– Завтра важный день, – сказал он. – Мы начинаем переход к Среднему Посту. А по пути будем переправляться через твою любимую реку.

- А поплавать мы сможем? – спросила Агнес.
- Придется во время переправы, так что не сомневайся.
- Когда?
- Наверное, через несколько дней.
- Несколько – это сколько?

Глен пожал плечами:

- Пять? Десять? Сколько-нибудь?

Агнес обиделась:

- Это не ответ!

Толкнув ее, Глен засмеялся.

- Когда придем, тогда и придем.

Агнес насупилась, в точности как Беа.

- Все уложено? – спросила Беа.

- Почти. Тебе незачем беспокоиться.

Беа крепко стиснула подушку у себя на коленях. Подушка отсырела и пропиталась горьким запахом, но Беа было все равно. Она уткнулась в нее лицом, представляя, что передает любовь своему младенцу. Вздохнула и подняла голову.

Агнес наблюдала за ней, обнимая воздух, притворялась, что у нее есть собственная подушка, а может, и свой младенец, и улыбалась так же грустно, как, несомненно, сама Беа.

Хлопотливый и шумный вечер истекал, постепенно затихая.

В лагере у костра остались сидеть лишь несколько членов Общины, а большинство уже ровно дышали в кругу, где спали все вместе. Беа и Глен вытянулись под шкурой оленя-вапити, служившей им постелью. Агнес устроилась, как всегда, в их ногах. Ее рука обвилась вокруг щиколотки Беа, словно лиана.

– А вдруг на Пост пришли посылки с чем-нибудь ценным, – пробормотал Глен. – Может, с хорошим шоколадом или еще с чем.

Беа откликнулась невнятно, но на самом деле ничего подобного она уже не могла есть, не испытывая болезненных ощущений: ее организму теперь вредило все то, к чему она привыкала такую острую тягу в их прежней жизни.

Лучше бы вместо шоколада Глен заговорил о ребенке, которого она только что похоронила. А может, ей только казалось, что она хочет этого разговора. И что бы она ответила? Что смогла бы сказать такого, чего он еще не знает? Хотелось ли ей в самом деле говорить об этом? Нет, несколько. Что понимал и он.

Она взглянула на Глена и в отблеске костра увидела на его лице надежду. Он знал, что от шоколада такое потрясение не пройдет, но, может, само предположение подействует так, как полагалось бы шоколаду. Она угнездилась в его объятиях.

- Да, кусочек шоколада был бы кстати, – солгала она.

Повсюду вокруг Беа разносились звуки дикого мира, который устраивался на ночлег. Курлыкали кроличьи сычи, хрипло вскрикивал еще кто-то; тени летучих мышей мелькали на фоне неба и звезд. Пока догорал лагерный костер, шипением убаюкивая себя, Беа слышала, как последние засидевшиеся осторожно, вслепую бредут от костра к своим спальным местам и устраиваются там. Кто-то произнес: «Всем спокойной ночи».

На щиколотке Беа ощущала пульсацию крови в горячей сжатой ладошке Агнес. В ее ритме она делала вдохи и выдохи, сосредоточившись на них. «У меня есть дочь, – думала она, – и нет времени хандрить». Прямо здесь и сейчас она нужна кому-то. Она поклялась себе оправиться поскорее. Ей так хотелось. Она должна. Такая у них теперь жизнь.

* * *

Девятая река текла стремительно, едва уместаясь в берегах, и, с точки зрения членов Общины, выглядела совершенно незнакомой, не той, к которой они успели привыкнуть. Настолько другой, что они снова сверились с картой, пытаясь сличить символы на ней с тем, что видели перед собой, и картиной, которую настойчиво рисовала на этом месте их память. Через эту реку они перебирались уже много раз с тех пор, как впервые прибыли в штат Дебри. Выходя к ней в других местах, они даже называли ее медлительной и ленивой, заметив, как часто она лавирует среди камней и земляных холмов, начиная от предгорий и ниже по течению, на заросшей полынью равнине. У Общины имелось привычное место для переправы, которое считалось безопасным, насколько вообще может быть безопасной переправа через реку. Но, похоже, буря изменила очертания берегов, вода затопила островок, куда они перебирались перед попыткой достичь дальнего берега. Он был таким полезным, этот клочок суши. Но теперь исчез под водой, и они уже не знали наверняка, где находится брод. Наверное, та же буря, которая задерживала их по другую сторону гор с прошлого лета, перекроила и эту реку.

По узкому скальному карнизу они спустились сначала сами, потом свели детей на почти несуществующий берег, где зелень имела характерный оттенок, встречающийся почти исключительно по берегам рек. Травы, мхи, цепляющиеся за жизнь деревца, такие тоненькие, что можно переломить двумя пальцами, с кремово-зеленым мельтешением молодой весенней листвы. Они спустились вниз, передавая по цепочке из рук в руки скатки с постелями, мешочки с мясом – копченым, вяленным, пеммиканом, – вышелушенными из шишек кедровыми орехами, драгоценными желудями, диким рисом и пшеницей-однозернянкой, горсткой дикого лука, разобранную коптильню, сумки с личными вещами, охотничьи луки и стрелы, мешок с долблеными из дерева мисками для еды и отщепами дерева и камня, служившими им столовыми приборами, драгоценный ящичек с драгоценными ножами, Книжный Мешок, Чугунок, Инструкцию, мешки с мусором, которые они тащили с собой, чтобы Смотрители на Посту взвесили и выбросили его.

Вывороченное с корнями дерево, уже лишившееся коры и веток, запрыгало в воде, проносясь мимо, хотя нигде поблизости деревья не росли. Должно быть, его приволокло из предгорий, смытое с места неожиданно мощным напором воды. На более медлительной реке или даже более медлительной части этой же реки бревно затянуло бы в водоворот выше по течению или вынесло бы на берег. А здесь его принялось мотать по порогам. Тем самым порогам, которых во время предыдущих переправ они даже не замечали – когда уровень воды был низким и буруны выглядели шапочками негустой пены на камнях в речном русле. Они посмотрели, как очередной древесный ствол полетел через перекаты кувырком, после чего Кэролайн сделала первый робкий шаг в воду.

Кэролайн во время переправ через реки была у них за разведчика. Она тверже всех держалась на ногах. Центр тяжести у нее располагался ниже, чем у остальных. Пальцы ног цепкостью не уступали пальцам рук – прекрасные пальцы, долгие годы стиснутые туфлями в Городе и пропадавшие зря. Кэролайн больше остальных знала о том, как ведет себя вода. У нее хорошо получалось улавливать смысл в том, что для других выглядело сумбуром.

– Нормально, – крикнула Кэролайн, пересиливая шум воды; первый фут реки она преодолела твердым шагом, оценивая ее силу, решая, стоит ли продолжать. – Вербку!

Карл и Хуан протянули ей один конец веревки, и она обвязала себя, а они обернули другой по очереди вокруг своих талий – Карл позади Хуана – и взялись за веревку перед собой. Дети и остальные взрослые отступили как можно дальше.

Они уже пытались перейти реку вброд в двух других местах, но Кэролайн оба раза вернулась обратно на берег – или отойдя на несколько шагов от него, или забредя в воду по пояс.

«Слишком глубоко», или «очень быстро», или «видите вон тот гребень? Где-то там под водой яма, куда нас затянет».

На этом, уже третьем по счету, месте Кэролайн проделала полпути. С берега казалось, что все складывается удачно. Она помедлила, слегка склонив голову набок, как койот, вслушивающийся в клещ Дебрей – *друг или враг, друг или враг*. Ее руки зависли над белыми бурунами, которые расходились, разбиваясь об ее тело, и снова сходились позади нее. Кэролайн повернула к остальным голову, затем и весь корпус, подняла руку ладонью вперед, собираясь подать какой-то сигнал. И уже открыла рот, как вдруг конец бревна вынырнул на поверхность прямо перед ней: страшный хлесткий удар, всплеск, и Кэролайн исчезла.

А потом река, как пробудившийся от спячки медведь, рванула веревку и потащила вниз Хуана. Он пытался упираться, тормозить пятками. Взыл, когда веревка сдавила ему талию. Карл попытался выпутаться – не для того, чтобы помочь Хуану, а чтобы ослабить веревку и избежать той же пытки.

Беа стояла поодаль с остальными, и ее пальцы сжимались на плечах Агнес. Она думала о том, как когда-то давно рядом с теми, кто держал веревку, они всегда ставили кого-нибудь с ножом – на случай вроде этого, если веревку понадобится перерезать. Но раньше ничего такого не случалось ни разу, и Карл с Хуаном решили, что им хватит сил выдержать, справиться с бедствием вроде этого. И потом, все равно брать на себя роль разрезающего веревку никто не хотел. Но у каждой реки они все равно подолгу спорили, нужен резчик или нет. И когда неизменно решали, что все-таки нужен, добровольцев не находилось, так что оставалось только бросать жребий, и проигравшие всякий раз трусили до усрачки. А увидев, что все обошлось, злились оттого, что дергались и напрягались напрасно. Так что в конце концов они не так давно решили отказаться от выборов резчика веревки.

Решение явно было ошибочным.

Одним движением Беа выхватила из-за пояса Карла его личный нож, метнулась вперед, рассекла веревку перед Хуаном и втащила его на берег, где он скорчился и взыл от облегчения. Карла, который сыпал бранью, отбросило на остальных, все повалились и запутались в бурьяне. Кэролайн, все еще привязанную к веревке и почти наверняка погибшую, унесло вниз по течению.

Карл с трудом поднялся.

– Зачем ты это сделала? – завопил он.

– Пришлось, – ответила Беа, вкладывая нож в ножны на его поясе.

– Но у меня же получалось. Блядь, получалось.

– Нет, ничего у тебя не выходило.

– Выходило.

– Нет, не выходило.

Карл брызгал слюной.

– Но это же была наша лучшая веревка.

– У нас есть другие.

– Таких, как эта, нет. Это была наша речная веревка!

– Можем добыть новую.

– Где? – вскричал Карл. Сценическим жестом досады он схватил себя за волосы и оглядел пустоши Дебрей. Но его чувства были неподдельными. Он кипел.

Беа не ответила. Может, ей удастся выпросить у кого-нибудь из Смотрителей такую же хорошую, длинную и прочную веревку. Но ничего обещать она не собиралась. И заметила, что хотя никто не встал на сторону Карла, ни один не вступился и за нее. Все занялись своими мелкими делами – проверяли мешки, выискивали что-то в волосах друг у друга, съедали муравья, пока не прошел момент. Только Агнес наблюдала за ними с обескураживающей безучастностью.

Беа помогла Хуану встать, доктор Гарольд поспешно подошел, чтобы намазать целебной мазью ссадины, оставленные веревкой на талии и руках Хуана. Вряд ли она поможет. Мази доктора Гарольда вообще мало чем помогали.

Дебра и Вэл побежали вдоль берега смотреть, не всплывет ли Кэролайн. Она всплыла в нескольких сотнях футов ниже по реке, ее волосы запутались в ветках еще одного дерева, она лежала лицом вниз, тело было обмякшим. Ее труп и дерево ненадолго за что-то зацепились, затем высвободились, и река понесла их дальше. Не представилось ни единого шанса отвязать веревку. Или чем-нибудь помочь Кэролайн.

Они сделали короткий привал, чтобы собраться с силами, выпить воды и раздать вяленое мясо из мешка. У Дебры нашлось доброе слово для Кэролайн – как важна была ее роль речного разведчика для выживания их всех и как ее будет не хватать.

– Она многому научила меня о воде, – сказала Дебра, которая в самом деле выглядела потрясенной и напуганной. Они с Кэролайн были близки. Беа обвела взглядом лица остальных, выясняя, как подействовало случившееся на них. Лично она считала Кэролайн заносчивой, хотя держала свое мнение при себе. Нетерпеливо грызя костяшку пальца, она ждала, когда закончится ритуальная минута молчания.

Потом они заспорили насчет предсмертных намерений Кэролайн. Она обернулась и открыла рот, чтобы сообщить им что-то о переправе. Но что именно? Какой сигнал она пыталась подать, прежде чем ее ударило бревно, – большой палец вверх или вниз? Что выражало ее лицо, пока на нем не возникла гримаса боли и удивления? В конце концов, они решили, что это место все-таки самое подходящее для переправы, несмотря на кончину Кэролайн. Место речного разведчика занял Хуан, который вызвался зайти в реку без веревки. Ближе к середине он обернулся и показал большие пальцы, повернутые вверх. Гуськом, осторожно шаркая ногами, они потянулись следом, дети жались к спинам взрослых. Место и впрямь оказалось подходящим для переправы, и, если бы не то дерево, они легко достигли бы противоположного берега без потерь. «Бедная Кэролайн. Не повезло ей», – думала Беа.

Переведя детей, взрослые выстроились цепочкой через реку и принялись передавать из рук в руки тяжелую и громоздкую ношу – Инструкцию, Чугунок, Книжный Мешок, мусор, постели, разобранную коптильню, мешки с припасами, деревянными мисками и грубой утварью, а потом – все личные сумки, одну за другой, с берега на берег. А когда выбрались из воды, уложили и привязали к спинам свой скarb, снова двинулись в путь. Солнце моментально высушило их. Они сплевывали на илистую почву, утоптанную их ногами. От нее их кожа становилась грязной и скользкой. Зажав одну ноздрю, они сморкались в грязь и плелись по равнине, заросшей полынью, которая простиралась вокруг них, как море.

* * *

Когда луна озарила их путь, они остановились на ночной привал. Развели костерок и улеглись на землю вокруг него. Не стали разворачивать скатки и расстилать шкуры. Сон не стоил таких усилий. С рассветом они вновь пустятся в путь. Как делали всегда, когда хотели пройти какой-нибудь отрезок побыстрее.

На горизонте Беа увидела светящуюся точку – фонарь, зажженный у Среднего Поста. Идти оставалось недолго.

Хуан предложил «сказку-другую по-быстрому» и, зевая, начал свою любимую историю из «Книги сказок», которую раньше они носили в Книжном Мешке, но какое-то время назад потеряли во время паводка. Истории из книги теперь часто рассказывали по памяти.

Дети уснули, свернувшись клубочками возле огня, – все, кроме Агнес, которая настаивала на своем праве старшей из детей Общины засиживаться вместе со взрослыми и сообщать младшим детям о принятых решениях, касающихся их. По ночам у костра никаких таких

решений они не принимали. Просто ей нравилось полуночничать. Беа не возражала. Неугомонностью Агнес она наслаждалась. И не могла забыть время, когда ее дочь была болезненной, хилой малышкой, которой едва хватало сил держать глаза открытыми.

Беа присела на корточки рядом с Гленом, который покряхтывал, занятый делом.

– Как там твои стрелы? – спросила она, толкнув его в плечо.

– Наконечники, – невнятно поправил он. – Хорошо.

Он увлекся, изо всех сил стараясь сделать кончик острым. Беа заглянула ему через плечо. Наконечники никуда не годились. Он оббил их слишком тонко. Беа ободряюще улыбнулась. Охотником Глен был никудышным. И сам понимал это. А она понимала, как он разочарован. Настоящим охотником Общины был Карл, мясом снабжал их в основном именно он. Потому Глен и учился делать орудия, желая быть полезным именно в тех делах, о которых он всегда мечтал. Карл, разумеется, умел еще и мастерски делать наконечники для стрел, и отличных наконечников у них уже имелся большой запас. Но напоминать об этом Глену она не собиралась.

Беа смотрела, с какой усердной сосредоточенностью Глен морщит лоб. Несмотря на все собственные недостатки, здесь ему очень нравилось. В детстве он не читал ничего, кроме книг о первобытной жизни. И ничем по-настоящему не интересовался, кроме историй своей юности о пещерных людях. Теперь он, профессор, считался видным специалистом по процессу эволюции человека от первых шагов на двух ногах до изобретения первого колеса. Он знал сами основы человеческой натуры, знал все «как» и «почему», относящиеся к натиску цивилизации. Но, когда дело дошло до первобытной жизни как таковой, он оказался на удивление никчемным.

Они познакомились в Городе. Беа получила заказ на оформление интерьера принадлежащей Университету квартиры, куда Глен переселился после того, как распался его первый брак. По всем меркам, квартира была ошеломляюще просторной, и Беа сделала вывод, что ее обитатель наверняка важная персона. Когда она показывала Глену образцы и объясняла, что и как расставит, он рассказывал ей о происхождении каждого предмета, выбранного ею для его дома. От этого ее работа приобретала значительность, будто она была служительницей истории, практической пользы. Они поженились. Глен по-отечески относился к Агнес, которую она родила от какого-то рабочего, прибывшего на выходные из обширной Промзоны за границей Города. Беа нравились отпускники, потому что у них были умелые руки и надолго они не задерживались, а она не меньше, чем они, любила собственную жизнь и работу. Агнес она любила неистово, хотя материнство ощущала как тяжелое пальто, которое вынуждена таскать на себе ежедневно независимо от погоды.

Глен стал приятным разнообразием. Она была готова к нему как раз в то время, когда он появился. И надеялась, что с ним ее жизнь изменится до неузнаваемости, но даже представить себе не могла, в какой мере он способен ее изменить.

Не кто иной, как Глен, и узнал об исследовании, в ходе которого людей предполагалось отправить в штат Дебри. Когда ситуация в Городе ухудшилась и здоровье Агнес, как и многих других детей, сильно пошатнулось, именно Глен предложил свою помощь исследователям в обмен на три места – для него самого, для Беа и для Агнес. Чутье не подвело Беа: в Университете с Гленом считались, исследователи согласились не раздумывая.

Тем не менее понадобился почти год работы и ожидания, прежде чем было получено разрешение поместить людей на территорию, по сути представляющую собой заповедник, последний сохранившийся уголок дикой природы, вдобавок необходимо было собрать средства и найти остальных участников. Исследователям требовались двадцать хорошо подготовленных добровольцев, разбирающихся в местной флоре и фауне, сведущих в биологии и метеорологии. Настоящий врач или медсестра, а не просто фитотерапевт-самоучка. Даже повара найти было бы неплохо, но в конечном итоге пришлось составить группу из тех, кто просто

согласился войти в нее. Выглядит рискованно, говорили люди. Это и впрямь был риск. Неуютная неизвестность. Крайность заключалась и в самой идее, и еще более – в реальности ее воплощения. «Крайность похлеще суицида», – запомнился Беа довод одной из матерей корпуса, в котором она жила. Идея, которую просто так не впаришь. А тем временем Агнес становилось хуже.

В тот период Беа, укачивая спящую дочь, порой гадала, что ей делать, если план Глена не сработает или сработает, но слишком поздно. Других способов спасения Агнес она так и не придумала. Лекарства переставали действовать. При каждом приступе кашля мокрота окрашивалась кровью. «Что нужно этому ребенку, – горестно говорила врач, – так это другой воздух». За неимением другого воздуха она рекомендовала паллиативную терапию, и Беа обнаружила, что впала в полную зависимость от Глена и его дурацкой идеи. Ближе к концу ожидания, прямо перед тем, как они получили разрешение, она – о чем никому никогда не говорила и не собиралась – начала мыслями забегать вперед, в жизнь после Агнес. Начала прощаться. Достижение этой стадии стало ужасающим утешением. А потом, когда вдруг времени на подготовку почти не осталось, исследование и группу из двадцати человек одобрили и утвердили, утешением продолжали служить и примерка снаряжения армейского образца, и прохождение медосмотров, и сдача мочи, и приемные собеседования, и укладывание вещей, и улаживание оставшихся дел, и, наконец, отправка без лишнего шума и помпы. Беа ошеломили вся эта суматоха и перемены, она терялась в сомнениях, не зная, взаправду ли все это, даже когда нагрянули первые холодные ночи в Дебрях и она обнаружила, что как-то сумела собраться с силами, чтобы оберегать Агнес по-новому.

Происходящее казалось удивительно похожим на игру даже в первый вечер, когда заход солнца застал их врасплох до того, как они развели костер. Даже когда у них сводило желудки от грубой пищи, а вскоре затем – от ее нехватки. Даже когда их лагерь впервые разорил голодный медведь. А потом умер первый из них – от гипотермии. И еще один, не распознавший несъедобный гриб. И тот, которого потрепала пума. И тот, который сорвался со скалы.казалось, они едва успели спастись от одного чудовища, спрятавшись в стенном шкафу, как наткнулись среди вешалок на другое, уже выпустившее когти. Как же можно было остаться здесь? Нет, нереально. Какая-то жуткая подстава.

Ей то и дело представлялось, как Глен вот-вот возьмет ее за запястье, заставит повернуться и поведет ее вместе с Агнес назад к заграждению на границе, обратно к цивилизации. Но этого так и не случилось. В конце концов, до Беа дошло, что территория, по которой они устало плелись изо дня в день, бесконечна. «А если мы дойдем до края, границы, ограды, гранитной стены, то просто повернем обратно», – осознала она. Разве теперь они могли вернуться в Город? Агнес стала как жеребенок – резвая, любопытная. И здоровая впервые за свою короткую жизнь. В первый раз Беа позволила себе поверить, что Агнес *будет* тосковать по этой земле. А сама Беа выживала, когда гибли другие, более сильные, чем она. Это приглушало ее тревожность, льстило ее самолюбию. Может, у нее и вправду есть способности к этому самому выживанию. «А *вдруг* это решение было верным. А *вдруг* все пройдет успешно. А *вдруг* мы в своем уме». Такая у нее появилась мантра. Она повторяла ее почти ежедневно. Как и теперь.

Беа обвела взглядом лица сидящих кружком, безумные в пляшущем отсвете пламени. Она думала о том, что после Девятой реки в группе появилась некая тяжесть. После веревки. После Кэролайн. Никто не смотрел на Беа. Мешок с мясом ей передавали молча и забирали у нее слишком быстро. Тяжесть казалась нацеленной на нее. И это, как считала она, нелепо. Им и прежде случалось терять важные вещи, и никто за это не отгораживался от виновных.

Была у них чайная чашка, которой они пользовались в торжественные моменты ритуалов, придуманных ранее для отдельных вех новой жизни.

Эта чашка принадлежала Кэролайн, передавалась из поколения в поколение в ее семье потомков первых поселенцев Нового Света. Нелепейшая вещь, какую только можно притащить

в Дебри, но изящная и красивая – с надколотым золотым ободком и красочным гербом того места, откуда бежали предки. У чашки имелась своя деревянная коробочка для переноски, с подкладкой из крошащегося от старости бархата, в котором чашка плотно сидела, пока в ней не было необходимости. Смешно, но они берегли ее. В ней можно было заваривать цветы, или корешки, или кости, смотря по ритуалу и по сезону, а потом передавать ее из рук в руки, усевшись вокруг костра. Им нравилось держать ее в ладонях, и хотя в Дебрях многое с виду казалось нежным, в действительности таковым не было ничего. Полые птичьи косточки? Кружево паутины? Филигрань лишайников? Все они были прочными и жесткими. А чашечка – нежной по-настоящему, и каждый поневоле становился нежным, когда она переходила к нему. И это ощущение воспринималось как дар, когда все остальное время приходилось быть жестким.

Чашка была потеряна при несчастном случае во время восхождения. На зимовку они уходили в горы, потому что зимы на низменностях проходили слишком сурово и голодно, в то время как пещеры и снежные сугробы в горах были созданы для удобных жилищ, которые весной таяли вместе со всеми признаками их пребывания, исчезали без следа. Чайную чашку нес Томас в своем мешке. Пока они карабкались в гору, он остушился и повалился спиной вперед с карниза, который все остальные преодолели благополучно. Он рухнул, рассыпая содержимое своего мешка по камням под ними. Увидев, как коробочка с чашкой отлетела и открылась от удара о камень, все они ахнули хором, хотя никто и не подумал ахать, когда Томас сорвался с карниза или пока продолжалось его падение. Никто не общался с ним близко, кроме Кэролайн, его жены. В группу он так и не влился. «Я не из компанейских», – вежливо объяснил он, пока они только знакомились.

Чашка взлетела в воздух из своего безопасного бархатного ложа, золотой ободок сверкнул на солнце, и те из них, кто находился поблизости, попытались подхватить ее на лету. Даже падающий Томас потянулся к чашке, вместо того чтобы схватиться за какую-нибудь опору и остановить свое падение.

Упав, чашка разлетелась на осколки, фарфоровая пыль осыпала камень, как костная зола. Некоторые подобрали осколки и сунули их как сувениры на память в сумки из шкур. Но в конце концов тайком выбросили где-нибудь во время переходов, потому что ранили об них руки, когда рылись в сумках в поисках чего-нибудь, а осколки были достаточно мелкими, чтобы затеряться в земле.

Бедняга Томас, само собой, так и продолжал падать и, видимо, погиб. Двое из них проделали часть пути вниз, но так и не увидели его, и на их крики он не отозвался. Так что Община задержалась на минуту, чтобы сказать о нем несколько добрых слов и утешить Кэролайн, а затем двинулась дальше. Больше они не проводили никаких ритуалов, главным образом потому, что чашка пропала. Да, ритуалы требовали времени и усилий, и чем дольше они жили в Дебрях, тем меньше им хотелось что-либо праздновать. Поначалу каждая переправа через реку становилась знаменательной, а теперь они почти утратили желание отмечать даже первую переправу в году. Так или иначе, Беа понимала, что без чашки ни у кого просто не возникало ощущения торжественности момента. Они всего лишь пили чай. И тем не менее после случившегося никто не поминал Томаса плохим словом. Если бы он выжил, ему не стали бы устраивать молчаливые бойкоты у костра. Никто не винил бы его за разбитую чашку, по крайней мере вслух. Беа хотелось, чтобы теперь они наконец вспомнили об этом.

Беа попыталась поймать взгляд Дебры, сидящей по другую сторону костра, напротив нее, но та отводила глаза. Ее губы были сжатыми, взгляд суровым. Положив рядом с собой сумку Кэролайн, она теребила ляжку из мягкой кожи. Внезапно до Беа дошло, что эти двое, должно быть, не просто дружили. Дебра вошла в группу вместе с женой намного моложе ее, Кэролайн – с мужем, который был гораздо старше. Оба уже потеряли супругов: одна дезертировала, второй погиб. «Составить пару имело смысл, – полагала Беа. – Должно же появиться что-то новое».

В спальном кругу на ночевках они ложились рядом, но не вместе. Что бы ни происходило между ними, они предпочитали это не афишировать. Нелегкая задача в Общине.

Доктор Гарольд деловито наполнял новой мазью выдолбленную деревяшку. Даже при свете костра Беа заметила, как жарко вспыхнули его щеки, пока она глазела на него, добиваясь ответного взгляда. Карл не удержался, зыркнул на нее, только чтобы ощериться в знак того, что до сих пор злится из-за веревки. Посмотреть на Вэл она не удосужилась: их ненависть была обоюдной. Удивительнее всех вел себя Хуан, который, рассказывая историю, поочередно задерживал взгляд на каждом из сидящих у костра, потом переводил на следующего. Но через Беа его глаза перепрыгнули беспокойно, а может, и сердито. *«Я ведь жизнь тебе спасла»*, – хотелось крикнуть ей.

Единственным, кто обращал на нее внимание, была Агнес, которая ловила каждое ее движение и с раздражающей старательностью повторяла. Беа почесала щиколотку, и Агнес почесала свою. Беа одними губами выговорила «прекрати», и Агнес так же беззвучно выговорила «прекрати». Беа покачала головой и закатила глаза. То же самое сделала Агнес – выразительно, будто передразнивая ее. А когда в Беа вспыхнул гнев, Агнес положила ладонь на ее колено жестом взрослого, утешающего равного себе, и усмехнулась, показывая отколотый зуб. От дурашливой улыбки и тепла руки дочери Беа растаяла. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь отнесся к ней по-доброму. Хотелось безусловной любви. Она протянула руки, чтобы обнять дочь, но вертлявая Агнес выскользнула. Беа испробовала новую тактику: зевнула, чтобы зевнула и Агнес. Потянулась, чтобы Агнес тоже вытянула руки. Откинулась назад, пытаясь увлечь за собой Агнес и наконец уложить ее спать. Но дочь не попала на удочку. Спать она не желала. Она отдернула руки, прижимая их к груди, подавила непритворный зев и скакнула к Глену, с любопытством пробуя кончиком пальца остроту осколков кремня у его ног. Удрученная Беа поднялась и поежилась, едва отступив от костра. Ей не хотелось спать в общем кругу с этими людьми. Где-то далеко, за одиночной скалой, койоты переливчато завывали один другому – *друг, друг, друг*, – и от такого единства Беа почувствовала себя обделенной.

Если она и различала что-то, то лишь благодаря свету звезд и запахам. Принюхавшись, разыскала мешок Глена и скатку с их постелью. Она вся пропиталась их запахом. Беа развернула постель на земле, поодаль от костра. За спиной послышался шорох, она напряглась на миг, прежде чем ладони Глена легли ей на плечи, разминая их.

– Тяжелый день, – пробормотал он ей в шею. Она поняла: Глен расстроен тем, как ее игнорировали у костра.

– Ты ведь перерезал бы веревку, да?

– Само собой. – Он запечатлел на ее виске легкий поцелуй, и она ощутила, как дрогнули его щеки в улыбке.

– Но?..

– Я, пожалуй, подождал бы чуть дольше.

– Ну, блядь, Глен, я что – прямо убила Кэролайн?

– Нет-нет, – терпеливо заверил он и потянул ее вниз, на их постель. – Кэролайн умерла в ту же секунду, как ее ударило бревном.

– Тогда какая разница – раньше или позже?

Глен пожал плечами.

– Наверное, никакой. Но, если она уже была мертва, какой смысл спешить?

– Но ведь Хуан...

Глен махнул рукой:

– Ничего бы Хуану не сделалось.

Она топнула ногой, Глен снова положил ладони на плечи.

– Слушай, Хуан не пострадал. Кэролайн мы потеряли. А веревку – нет. Пока ты не перерезала ее. Остальным требовалась всего минута. – Он сделал паузу, потом пожал плечами. – Вербка и вправду была хорошая.

Агнес подкралась как раз в тот момент, когда Беа и Глен, высказавшись, умолкли, но девочка приняла их молчание на свой счет.

– Не надо переставать говорить, – сердито зашепелявила она. – Я много знаю. Я большая.

Глен сграбастал Агнес за талию и перевернул вверх ногами.

– Мы уже договорили, – нараспев отозвался он, раскачивая ее на высоте дюйма над землей, пока ее недовольное пыхтение нехотя не сменилось сначала смехом, а потом радостным визгом. Глен опустил ее на постель, и она устроилась, как всегда, в их ногах.

Глен и Беа уюстились рядом, в последовавшем молчании Беа унеслась мыслями к небу, которое сияло такой раскаленной белизной, пока она рожала Маделин, и с благодарностью приняла шанс отвлечься, когда Агнес у нее в ногах прошептала:

– Мне грустно из-за Кэролайн.

– Правда? – Беа не сумела скрыть удивления и по резкому вдоху Агнес поняла, что и она удивлена ее реакцией.

– Ага, – подтвердила Агнес, но на этот раз скорее вопросительным тоном.

– Ну что ж... Кэролайн всегда к тебе хорошо относилась. – Будь Беа абсолютно честна с собой, она подумала бы, что Кэролайн держалась еще более отчужденно, чем Томас, и что на самом деле совсем не нравилась ей. Не то чтобы она радовалась ее смерти. Просто ее не настолько расстроила эта потеря, и теперь было неловко видеть, какую скорбь она вызвала. Вдобавок к чувству вины из-за веревки пришлось смотреть, как все тоскуют по Кэролайн. Она закатила глаза в темноте. Так и осталось неясным, как лучше вести себя, будучи матерью: подавать пример сочувствия или просто быть откровенной. Агнес всегда так хорошо ко всем относилась, даже если к родной матери не всегда. И Беа вновь оставила свои чувства к Кэролайн при себе.

– Она была такая веселая, – сказала она, кивнув в темноте.

– Просто... – решила высказаться Агнес, – мне бы так хотелось, чтобы мы ее спасли.

Даже ее дочь считала, что перерезать веревку она поспешила.

– И ты туда же? – сорвалась Беа. – Скажи еще, что тебе так жалко веревку!

– Ладно, ладно, – вмешался Глен, обнял одной рукой Беа, а другой взъерошил волосы Агнес. – Нам спать пора.

По мелькнувшим в негустой темноте зубам Агнес Беа поняла, что дочь улыбается ей и Глену, и только тогда до нее дошло: ее разыграли. Безусловно, Агнес наслушалась их разговоров достаточно, чтобы знать или желать узнать, как именно воспримет ее слова Беа. С недавних пор Агнес часто устраивала такие игры – с колкими замечаниями, понимающими взглядами. Проверяла границы дозволенного, как в двухлетнем возрасте, только на этот раз с резкостью и ехидством, направленным на мать. В последнее время слишком многое Агнес превращала в игру, и Беа казалось, что она едва поспевает за ней.

Агнес шумно завозилась под шкурами, сомкнула пальцы на щиколотке Беа, как делала каждую ночь. Беа поборола порыв выдернуть ногу, попыталась поудобнее улечься в объятиях Глена, но кровь в ней бурлила, и казалось, что ее не обнимают, а сковывают.

Агнес моментально забылась беспечным сном, звуки ее дыхания напоминали шорох тяжелых портьер по полу. «Конечно, она все слышала, – думала Беа. – У Агнес вечно ушки на макушке. И она права. Ей, похоже, известно все». Она казалась более взрослой и зрелой, чем была на самом деле. Беа совсем потеряла из виду прежнюю малышку Агнес. С трудом верилось, что когда-то она была другой, а не той непростой личностью, спящей сейчас в ногах Беа. При невысоком росте Агнес была крепкой, будто уже полностью сформировалась. Гораздо крепче других детей. Глен всегда отдавал ей больше мяса, чем оставлял себе. Как по команде,

Глен принялся вторить Агнес звуками собственного крепкого сна. Широко раскрыв глаза, Беа смотрела в ночную тьму.

* * *

Наступило утро, грузовик помчался в их сторону, взметая пыль. Далеко позади него бликовала под солнцем крыша Среднего Поста. Пока грузовик тормозил, они увидели за рулем Смотрителя Гейба. Его отец занимает очень высокий пост в Администрации, однажды сказал он им, будто пригрозил. Его недолюбливали.

Некоторым Смотрителям нравилось бывать на открытом воздухе и болтать с Общиной. Но не Смотрителю Гейбу. Он, похоже, относился скептически и к ним, и к земле, по которой ходил. Его форма всегда была свежей и безупречно чистой, передвигался он осторожно, словно терпеть не мог пачкаться.

Заглушив двигатель грузовика, он посидел немного, затем дал длинный гудок. Птицы, прятавшиеся в кустах, взлетели живым облаком и кинулись врассыпную. Эхо звуков клаксона вернулось к ним, отразившись от далекой скалы.

Община, уже уложившая вещи и готовая тронуться в путь, собралась вокруг грузовика.

– Новые страницы Инструкции получите на Нижнем Посту.

– Но мы же почти дошли до Среднего, – возразила Беа. – Нам говорили, что страницы там.

– И почта, – добавила Дебра. Она открыто выражала недовольство, уже некоторое время не получая писем от престарелой матери, и терялась в догадках, не зная, что означает это отсутствие вестей.

– Ну вот что, – протянул он, постукивая каблуком о подножку, – не знаю, что вам сказать. Знаю только, что на Среднем для вас ничего нет. Ничего. Придется вам идти к Нижнему. – И он с видом бывшего путешественника прищурился, глядя на горизонт.

– Но ведь до Среднего Поста рукой подать. – Беа указала на поджаривающуюся на солнце крышу.

– Там для вас ничего нет.

– Но...

– Придется вам идти до Нижнего. Вы ведь знаете, где это, да? Хоть он и Нижний, но не просто внизу.

Ему ответили недоуменными взглядами.

Насупившись, он достал примитивно набросанную карту всех Постов и указал на тот из них, о котором говорил, – крестик в самом низу карты.

Карл пробурчал:

– Нижний Средний? А чего сразу туда?

– Не Нижний Средний. Нижний.

– Но он же здесь, прямо посередине, – возразил Карл, – и *он внизу*.

– Слушайте, вот этот называется Нижний Пост. И вам надо идти туда. Остальное не важно.

– Но почему?

– Почему? – Смотритель Гейб издевательски почесал в затылке. – Как это «почему»? Потому что вы засрали все место, где разбивали лагерь в прошлый раз, вот почему.

– Ничего подобного, – отозвалась Беа. Они собрали весь свой микромусор. И нашли его в том же количестве, как всегда после того, как провели где-либо некоторое время.

– Судя по виду местности, вы там пробыли целую вечность. Растительность вытоптана. Понадобятся годы, а может, и целая жизнь, чтобы она восстановилась. Если она вообще восстановится. – Слюна брызгала на бороду Смотрителя Гейба.

Беа видела, что Карл уже начинает злиться. И заискивающе улыбнулась:

– Не ожидала услышать такое. Мне казалось, мы едва успели распаковать вещи, так быстро мы отсюда ушли.

Это была ложь. Они пробыли в том месте гораздо дольше, чем следовало. Об этом знали все. Смотритель Гейб тоже знал. Такие стычки между Смотрителями и Общиной происходили постоянно. По подсчетам Беа, там они пробыли полсезона – неприлично долго для одного места – и продолжили путь только потому, что ей хотелось хоть как-нибудь отвлечься от мыслей о Маделин, а другим – получить почту. Им полагалось устраивать длительные привалы только в том случае, когда назревала необходимость в охоте, собирательстве и обработке добытого. Инструкция ограничивала время их пребывания на одном месте семью днями. Но этому правилу они почти никогда не следовали. Трудно было вновь начать кочевать после привала. Уложить поклажу так, чтобы в ближайшем обозримом будущем нести ее было сравнительно легко. С непрочной коптильней было немало возни, сразу после охоты к ноше прибавлялся вес мяса. В целом вещь неплохая, вот только тащить приходилось гораздо больше, чем обычно.

– Уж будто бы! – отозвался Смотритель Гейб. – Даже здесь и то свалка. Долго вы здесь пробыли?

– Одну ночь.

Он покачал головой.

– Невероятно, – сказал он. – Что ж, видимо, невозможно избежать воздействия на окружающую среду, если группа настолько велика. Мне всегда так казалось. Я постоянно говорил, что нет никаких причин, чтобы группа находилась здесь. Говорил, что не стоило вас сюда пускать. Я об этом еще не упоминал?

– Было дело, – ответила Беа.

– Так вот, не только мне так кажется. – Он криво и довольно ухмыльнулся.

– В качестве утешения могу напомнить только, что группа теперь почти в половину меньше, чем раньше, – изобразила любезность Беа, думая о мертвых.

Его взгляд стал негодующим.

Как правило, Смотрители ей нравились, в том числе и вредные. С ними было забавно перешучиваться, потому она и взяла на себя роль посредника от Общины. И убедилась, что даже легкой улыбки достаточно, чтобы расположить их к себе. Смотрители были молодыми и всегда казались новичками, сколько бы ни прослужили здесь. Ее отношение к ним как к лопухим щенкам не менялось. Кроме Смотрителя Боба со Среднего Поста – старше остальных, с сединой на висках и в усах. Вот он был ровней, она даже отваживалась называть его другом. И даже близким другом. А эти мальчишки для нее – развлечение.

– Разрешите также напомнить, что в этом лагере вы останавливались слишком много раз, – бесстрастно продолжал Смотритель Гейб. Не придавать этому значения он не мог.

Карл уже вышагивал туда-сюда и тяжело дышал. Скоро он сорвется.

– А я думала, правила относятся только к продолжительности пребывания, – кокетливым тоном заметила Беа.

– Нет. К любому присутствию. Неоднократными возвращениями на одно место и длительными пребываниями на нем вы лишаете дикую природу возможности восстановиться. Ни одно животное не станет считать это место своим домом, пока по нему шляется вы.

– О присутствии там нет ни слова, – не выдержал Карл и принялся яростно листать Инструкцию в поисках подтверждения.

Смотритель улынулся. Беа вздохнула. Ей уже казалось, что в их неявной игре она побеждает, но тут Карл все испортил.

Смотритель Гейб положил тяжелую ладонь на плечо Карла.

– Не трудитесь, сэр. Я уже видел все, что должен был увидеть. Что важно, так это воздействие. А ваше – оно серьезное. Я уже подробно описал его в своем рапорте и теперь отправлю

его вверх по инстанциям с пометкой «срочно». За такие нарушения можно и вылететь. – Взгляд был таким же строгим, как твердо звучащий голос. Без тени снисхождения. – Что от вас требуется, так это начать движение в направлении Нижнего Поста. – И он указал куда-то вдаль, в направлении, в котором они еще никогда не ходили. – Согласно приказу.

Им и раньше меняли маршрут – дважды, если точнее. Один раз из-за встречного пала (будь это естественный пожар, не преминул указать Смотритель, тогда, согласно Инструкции, их не направили бы по другому маршруту). Второй – из-за переполнения канализационного септика на Верхнем Посту. По всем делам их отослали на ближайший из Постов. Но нынешний случай казался необязательным, только тем и вызванным, чтобы подвергнуть их опасности. Они уставились на карту. Нижний Пост располагался дальше, чем они когда-либо заходили. Значит, в самом деле наказание. Оповещение о марш-броске.

Глен мягко оттеснил Карла от руки Смотрителя Гейба и от него самого – на случай если Карл решит кинуться в драку.

– Знаете, – заговорил Глен, – нам ведь казалось, что мы успешно справляемся с мусором и природовосстановлением, но мы обязательно постараемся уделить ему больше внимания в следующий раз.

– Если он будет, этот следующий раз, – окрысился Смотритель. И тут же слегка смягчился. Кажется, раскаивался, понимая, что разговор закругляется. Возможно, Беа ошиблась на его счет. Благодаря присутствию здесь Общины Смотрителям было чем заняться.

– Ладно, примем к сведению, – кивнул Глен. – А теперь, говорите, – Нижний Пост?

– Угу.

– Отлично. Сегодня мы перепакуемся – в таком переходе без перепакровки не обойтись, – а завтра с самого утра двинемся в путь.

Община вздохнула.

Глен улыбнулся:

– Ребята, лично я жду не дождусь. Кто знает, какие чудеса мы там увидим?

Вопль радости издала только Агнес.

– Ах ты ж моя умница, – благодарно просиял Глен, глядя на нее.

Агнес просияла в ответ.

Смотритель Гейб вернулся в грузовик и повел его прочь, щурясь и то и дело поглядывая на них в зеркало заднего вида. Глен улыбался до тех пор, пока грузовик не перевалил через гребень пологого холма и не исчез из виду. Только тогда лицо Глена расслабилось. Он потер щеки.

– Ну вот что, – заявила Дебра, взваливая на плечо свой тюк. – Никуда я не поворачиваю. Только не теперь, когда Средний Пост в двух шагах. – И она направилась в сторону поблескивающей крыши.

Глен вскинул руку:

– Постой.

– Только не говори, что это надо обсудить, – вмешался Хуан.

– Разумеется, обсудить надо. И прийти к консенсусу, – ответил Глен.

Все застонали.

– Да нам же осталось меньше мили. – Ноги сами несли Дебру к Посту.

– Ну, а некоторым на Пост не хочется, и они предпочли бы как можно реже появляться там, – заявила Вэл – только чтобы угодить Карлу, который терпеть не мог бывать на Постах.

– А наша почта? – воскликнула Дебра.

– Дебра, да там даже нашей почты не будет, – отрезал Карл.

Дебра помахала рукой в сторону Поста.

– Но он же здесь, совсем рядом.

– Во-первых, Дебра, консенсус – это твоя дурацкая затея, так что нечего жаловаться, – сказал Карл.

Дебра насупилась. Обычно принимать решения методом консенсуса ей нравилось. Именно она подала Общине эту идею.

– Во-вторых, пойми, они это нарочно, чтобы мы послушались и дали им повод подать еще один рапорт, а потом добиться, чтобы нас выкинули, – предупредил Карл.

– С каких это пор ты так озаботился правилами? – зло выпалила Дебра.

Карл сердито вспыхнул. Правила он терпеть не мог, особенно когда они совпадали с его желаниями.

– Слушайте, ребята, они просто хотят, чтобы мы сходили куда-нибудь еще. Говорят, мы обленились, – сказал Глен. – По-моему, на то есть основания.

Соблазн следовать одним и тем же путем каждый проведенный в Дебрях год был велик. Изучив маршрут, они знали, чего ожидать. В такое-то время там-то и там-то растут такие-то растения. Вон за тем хребтом начнутся те самые ягоды. Они научились читать по земле и определять, где куропатка устроила гнездо, после того, как нашли первое из них. Узнали, как думают животные, и потому стали успешнее охотиться. Разобрались, как выживать в этом квадрате карты. Дадут ли им эти знания шанс выжить в другом месте? В любом другом? Они уже прошли сквозь все тяготы учебы в первые дни пребывания здесь и остались в живых. И теперь не хотели начинать все заново.

– А что, если от нас и не ждут, что мы вернемся? – Доктор Гарольд отделился от группы и теперь вышагивал туда-сюда. Он отошел так далеко, что его вопрос был едва слышен. Шепот, тайна, предназначенная только для него одного.

– Не впадай в паранойю, док, – добродушно посоветовал Глен, и доктор Гарольд словно опешил, вдруг очутившись в центре внимания.

– Я и не думал. Но посмотрите... – Он достал карту и ткнул в нее. – Нижний Пост – это даже не следующий в цепочке Постов. Просто точка на карте, причем очень далеко отсюда, за новым горным хребтом. Вот это – дюны. А это – пересохшие озера. А тут... – он провел по карте пальцем, – единственная река, которую я вижу.

– О нет, – простонала Дебра.

– Я не хочу сказать, что рек здесь *нет*, – спохватился он, – но нам об этом неизвестно. Мы не знаем, что будет иметь смысл, когда мы доберемся туда. Может, там, где мы окажемся, вообще не будет смысла возвращаться.

Мысль о невозвращении отрезвила всех.

Вэл робко заметила:

– Ну, тогда, может, стоило бы отметить на Среднем Посту – так, на всякий случай.

Откликнулось несколько невнятных, но согласных голосов.

– Надо бы уточнить у Смотрителя Боба.

– А то вдруг Смотритель Гейб ошибся.

Доктор Гарольд, вытесненный из круга, вдруг выкрикнул:

– Да кто он *такой*, этот Смотритель Гейб?

– Ладно, ладно, – перебил Глен. – Мы того и гляди перегрыземся из-за такой ерунды, как неизвестность. Не забывайте, что все это просто земля.

Карл вмешался:

– А мы – люди, которые живут на этой земле. Мы кочуем по земле. Мы *знаем* землю. Идем куда хотим и когда хотим. И можем вернуться сюда, когда нам заблагорассудится. Беспокоиться не о чем. Так вот что я скажу: пойдем в какое-нибудь новое место. Пойдем к Нижнему Посту.

– Но мы же сперва направлялись сюда, – возразил Хуан. – Кто знает, когда мы вернемся?

Карл хлопнул себя по лбу.

– Когда захотим, тогда и вернемся. Не слышал меня, что ли? Мы полноправные хозяева своего опыта. Так что поворачиваем.

Беа даже в голову не приходило, что они могут никогда больше не вернуться сюда. Казалось, это невозможно. Она не знала, как жить в Дебрях без их чудесной укромной Долины и походов к Среднему Посту. Одно дело не знать, какой зверь будет красться по их следу завтра, и совсем другое – не представлять себе, в какой из пещер можно спрятаться, когда это произойдет. Страх пополз вверх по ее горлу, и голос прозвучал хрипло:

– А я бы хотела попрощаться с Бобом.

Карл взмахнул разведенными руками:

– Никто меня не слушает!

Вэл попыталась похлопать его по плечу, он отмахнулся.

Глен улыбнулся Беа и кивнул.

– В таком случае идем к Среднему Посту. – Он обвел взглядом остальных и дождался, когда каждый из взрослых кивнет в ответ. Карл последним метнул в него злой взгляд и сопроводил его резким кивком. – Все молодцы. – Глен взгляделся в сторону горизонта, убеждаясь, что Смотритель Гейб уже скрылся из виду и пыль, поднятая его шинами, успела осесть. Потом свистнул, покрутил пальцем, и они зашагали.

* * *

На Средний Пост они пришли, как раз когда солнце начало садиться. Розовый свет отражался от крыши, многочисленных окон и пикапа Смотрителя Боба, который в ту минуту садился за руль.

Увидев их, он выбрался из машины.

– Вот оно как, – заговорил он, усмехаясь. – Вас здесь не ждали, но как же я рад вас видеть.

Кое-кто из членов Общины заулыбался. Беа просияла. Агнес робко помахала рукой, выглядывая из-за спины матери. Карл вразвалку прошелся до небольшого опрятного строения и обоссал его стену.

Смотритель Боб повернулся к Беа и развел руки, будто собирался заключить ее в объятия. Потом с громким хлопком свел ладони вместе, и его губы под кустистыми усами расплылись в широкой ухмылке. Он походил на ковбоя, только не настоящего. Скорее, того, каких нанимают для детских праздников.

– Правила вам известны, – сказал он. – Взвесьте свой мусор, сделайте все, как положено. А я подожду вас внутри.

Смотритель Боб повернулся, хлопнул высоко поднятой пятерней по ладони Глена, который, кажется, этого не ожидал, но инстинктивно подыграл и потрусил в дом. Щелкнул выключатель. Беа различила сквозь приглушенный стрекот степных сверчков новый звук – флуоресцентный гул.

Вэл и двое детей, Сестра и Брат, принялись взвешивать мусор, остальные разбирали поклажу. Чугунок и другую посуду сполоснули под краном, торчавшим из небольшой постройки с бежевыми стенами. Дебра сбросила развалившиеся мокасины и блаженствовала на траве, пяточки которой образовали зеленый периметр здания, – поджимала, сминая травинки, и снова распрямляла пальцы ног.

Лампы дневного света на миг ослепили вошедшую в помещение Беа. Она закрыла глаза ладонями, потом медленно разводила пальцы в стороны, пока наконец не привыкла к свету и не увидела Смотрителя Боба за его блестящей стойкой.

– Весной мы по вас соскучились, – сказал он.

– Буря задержала нас по другую сторону хребта. Просто имело больше смысла пробиться через предгорья. На той стороне было так тихо.

– Да уж, дурацкая буря. В такую рань.

– Ага. А потом – сами понимаете, весна, самое время для охоты, да и клубни упускать не хотелось.

– А как же. – Он задумчиво пригладил усы. – Но не мне вам объяснять, как важно являться на Пост своевременно, когда вам полагается.

– Понимаю. И сожалею. Мы просто не успели.

Смотритель Боб улыбнулся:

– Ну, будем надеяться, успеете в другой раз.

Он никогда не угрожал им. Беа любила его в том числе и за это. И все же его серьезный тон насторожил ее.

– Обязательно, – ответила она. – Я обещаю.

Смотритель Боб прокашлялся.

– Вы же знаете, что должны были идти к Нижнему Посту, так?

У нее екнуло сердце. Возникло ощущение, будто они все испортили.

– Мы слышали. Но мы же были здесь совсем рядом. Не имело смысла поворачивать. И потом, мы забеспокоились, вдруг это какая-то ошибка... – Она осеклась.

– Никакой ошибки, – возразил он, удивив ее суровостью тона. – Согласен, Смотрителю Гейбу следовало перехватить вас раньше. Но помешали кое-какие непредвиденные события.

– Это какие же?

– М-м... ну... – Он скривил рот. – Это секретная информация.

– Правда? – Неизвестно почему, но Беа не верилось, что она могла чего-то не знать о местах, где все они ели, пили, спали и гадили.

– Здесь большая территория. Невозможно знать все, что на ней происходит. – Он подмигнул. К нему вернулась привычная легкость. – В общем, очень важно завтра с самого утра двинуться к Нижнему Посту. Но раз уж вы здесь, займемся пока делом. Сколько человек в группе?

– Одиннадцать. Потеряли четверых, прибавился один.

Он открыл папку с надписью «Штат Дебри, журнал участников исследования».

– Так, по прибавлению. Имя?

– Кедровая Шишка.

– Занятно. Время рождения?

– Прошлая весна.

– Так, может, год назад, примерно в такое же время, как сейчас?

Беа пожала плечами.

Он что-то записал.

– Ладно. Мать?

– Бекки.

– Отец?

– Дэн.

– Вот и хорошо. Только один прибавился, да?

Беа кивнула, думая о Маделин.

– Так, теперь мое самое ненавистное. Потери. Имена и причины?

– Бекки. Растерзана пумой.

Смотритель Боб, сокрушенно цокая, сделал запись.

– Какая жалость, – сказал он. – Следующий?

– Дэн. Камнепад.

– И он умер?

– Таз был сломан.

– И он умер.

– Мы так считаем. – Беа сделала паузу. – В смысле, нам пришлось оставить его там.

Она увидела, как Смотритель Боб поднял брови, пристально вглядываясь в бумаги перед ним. Он ничего не сказал. Но она заметила, с какой силой он нажимал на ручку, пока делал записи. И надеялась, что это для того, чтобы размножить их сразу в трех экземплярах. Среди Смотрителей, с которыми им приходилось иметь дело, Смотритель Боб был самым отзывчивым. Беа не знала, что делать, если и он начнет осуждать их. Со смертью они сталкивались постоянно. И от этого ожесточились, потеряли чувствительность к ней. И не только когда речь шла о членах Общины, погибших страшной или даже самой заурядной смертью. Но вокруг них все умирало, не таясь. Смерть была таким же обыденным явлением, как жизнь. Само собой, они тревожились друг за друга, но, когда выживание одного из них прекращалось по каким бы то ни было причинам, они смыкали ряды и обращали силы на то, что осталось живым. Это следствие жизни в Дебрях было непредвиденным, но оно возникло быстро и явно. В эпоху еще до рождения Беа в культуре бытовало убеждение, что благодаря близости к природе человек меняется к лучшему. И сразу после прибытия в Дебри они воображали, что жизнь здесь сделает их лучше – более чуткими, гармоничными людьми. Но вскоре пришло понимание: насчет того, что означает это «лучше», они жестоко ошибались. Вполне возможно, имелось в виду умение лучше быть человеком, причем определение «человека» оставалось открытым для толкования. Или же «лучше» – в смысле, для выживания где угодно, любой ценой. Беа считала, что в этом отношении жизнь в Дебрях немногим отличается от жизни в Городе.

Смотритель Боб кашлянул и заговорил:

– Вот черт. Не повезло... – Он сверился с записями. – О Кедровой Шишке. Кто о нем заботится?

– Мы, – резковато отозвалась Беа. Щекам стало жарко. Но она так и не поняла, от стыда или от гнева.

Смотритель Боб вскинул глаза.

– Вы, конечно, как же иначе. – Он улыбнулся. – Кто еще?

– Кэролайн. Мы потеряли ее на Девятой реке.

– Когда?

– Вчера.

Ручка в его руке замерла.

– Слушай, а вы уверены? Потому что ее могло принести куда-нибудь сюда.

– Мы уверены.

– Ведь Девятая река сейчас быстрая, но не слишком холодная. А здесь, ближе к низовьям, она снова течет медленнее.

– Это из-за бревна. Ее точно больше нет.

– Эх, жалость-то какая. Мне она нравилась.

Беа не верила своим ушам: опять она вынуждена слушать про Кэролайн. Она зло хлопнула ладонью по стойке.

– Да ну?

Смотритель Боб испуганно отшатнулся.

– Что?..

– Осточертело мне слушать про Кэролайн, – процедила она.

У Боба отвисла челюсть.

– В смысле, с чего вдруг мы до сих пор ее обсуждаем? – Она рассеянно погрызла костяшку пальца. Неприязненно потрясла головой. *Кэролайн?* Да пошла она, эта Кэролайн, в самом деле.

Смотритель Боб уставился на нее как на дикую тварь. Осторожно отозвался:

– Ну, так ведь она только что умерла... вчера, говоришь? – таким тоном, будто увещевал дикого зверя: «*Ну что ты, что ты, мишка*».

Беа заморгала, попыталась подавить в себе вспышку ярости.

– Да, верно. – Она выпрямилась. – Она же только вчера умерла. – Она медленно выдохнула. – Извините, не сдержалась. – Щекам опять стало жарко.

– Ты уж прости, но Кэролайн мне нравилась, и я буду скучать по ней. – Он хмыкнул.

Она спрятала лицо. Не хотела, чтобы он видел, как она покраснела.

– Прошу прощения.

Он вскинул руку, словно желая показать, что все понял. Ему так хорошо удавалось казаться все понимающим. Она снова вспомнила про Нижний Пост, и ей стало по-настоящему грустно. Как же она без Смотрителя Боба? Будет ли он скучать и по ней?

Он придвинулся к ней.

– Наверное, я уже не рискую навредить ей, выбалтывая ее тайну, но раньше я разрешал ей пользоваться уборной там, за домом. Моя жена ставит там мисочку с пахучими сухими цветами. Кэролайн говорила, что ей нравится этот запах. – Он усмехнулся. – Это же пустяк... Ладно, довольно о Кэролайн, земля ей пухом. Сколько мусора?

– Подождите, – хрипло попросила Беа. – Еще одна. Маделин. Родилась мертвой. – Ее лицо вспыхнуло. Запинаясь, она добавила: – Я не знала, считается это или нет.

Смотритель Боб пристально поглядел на нее, потом в свой журнал, полистал страницы назад и обратно.

– Да пожалуй, как будто бы и не считается. Примем к сведению. Стало быть, пишем троих? – Он вымарал четверку в колонке «Всего умерло», не переставая официально улыбаться – сдержанно, одними губами.

Беа сбивчиво согласилась, чтобы не расплакаться. Ее недоношенная девочка даже за человека не считалась. Могло это служить хоть каким-то утешением или же усиливало мучительность потери? Внезапно она будто оцепенела.

– Сколько мусора? – снова спросил он.

– Двадцать фунтов, – прошептала она.

Смотритель Боб присвистнул:

– Ничего себе! Так много?

Беа хотелось сжаться в комочек на полу. Как чудовищно они, должно быть, выглядели со стороны. Мертвый младенец и избыток мусора.

Она подала голос:

– Это из-за нашего пропущенного прихода на Пост.

– А, да, – закивал он. – Логично. Сколько же это мешков?

– Три из тех, которые мы захватили здесь в прошлый раз.

– О, те мешки никудышные.

– Да уж, никудышные. До сих пор не верится, что они не лопнули.

– Это потому, что вы догадались сделать для них чехлы.

– Их Дебра смастерила.

– Умеет она шить.

– Умеет.

Он пробежал глазами контрольный список.

– Так вот, я могу дать вам новые страницы Инструкции, но насчет того, что это самый последний вариант, не поручусь. А еще мы могли бы заполнить опросники, раз уж вы все здесь. Новые данные им не помешают. Давно уже не собирали.

– Кровь и мочу тоже?

– Нет, оборудование мы отправили на Нижний Пост. – Он снова взглянул ей в глаза. – Потому что вам полагалось идти туда.

– Мы и пойдем.

– А как же. Сами захотите – я уже отослал туда вашу почту. – Он еще раз подмигнул. И в голосе снова слышалась усталость. – В любом случае вам *придется*.

Беа придвинулась к нему.

– Боб, я поняла, – проворковала она и с удовольствием отметила, как на яблочках его щек проступил румянец.

– Ладно, ладно, – робко забормотал он.

– На Нижнем Посту мы еще ни разу не бывали. – Она старалась изобразить воодушевление, но уловила в своем голосе страх.

– Это меня как раз не удивляет. Добраться туда непросто, – сказал он, отсчитывая бланки опросников. По его лицу скользнула озабоченность, он стер ее, тряхнув головой. – Считайте, что будет вам приключение. – Он протянул бумаги. – Пора мне уже, а то еще моя хозяйка заведется. Когда заполните, просто бросьте их в щель для почты на двери.

Беа кивнула, взяла бумаги, и он с мальчишеским задором выбросил вперед ладонь.

– Ну что? Удачи вам, стало быть!

Она пожала ему руку.

– Надеюсь, скоро мы снова вас увидим.

Руки они разжали не сразу, словно новой встречи могло и не случиться.

Беа повернулась к двери, стараясь как следует запомнить все, что только могла. Специфический и затхлый запах какой-то химии, зудение лампы на высокой ноте, мирное урчание какой-то техники, которая всегда была включена здесь, но никогда – на Верхнем Среднем Посту, где они, бывало, останавливались в разгар зимы. Смотритель Боб пользовался женским дезодорантом – она точно знала. А может, насыпал в носки детской присыпки, чтобы не натирать мозоли. Ее мать делала так иногда, надевая выходные туфли, которые ей жали. Но Смотритель Боб носил, как предписано, крепкие практичные ботинки. Чем он тогда оправдывается? Она представила, какими мягкими делаются от присыпки его ступни, как они с женой трутся ими в постели, под чистыми белыми простынями, толкая теплого верного пса, устроившегося у них в ногах. И страстно захотела очутиться в этой постели, в этом домашнем уюте. Она посмотрела на обручальное кольцо Смотрителя Боба, поблескивающее под лампами дневного света, и на краткий миг возненавидела миссис Смотритель Боб, кем бы она ни была.

Она резко остановилась.

– Ой, слушайте, чуть не забыла! У вас не найдется для нас хорошей толстой веревки?

Смотритель Боб нахмурился.

– Беа, ты же знаешь: мне нельзя снабжать вас такими вещами.

Беа кивнула, смущенная и раздраженная от того, что вообще спросила. Да пошли они все со своей веревкой.

– Но... – продолжал Смотритель Боб, – не следовало бы, но... – И он помахал сочно-зеленым леденцом на палочке. – Отдай его своей милой малышке, – сказал он. – Я же знаю, как она их любит. Только не болтай. – Он склонил голову набок, хитро улыбнулся и помахал еще одной сосачкой. – А этот для тебя. Похоже, тебе не повредит, – заключил он, и его улыбка погасла.

* * *

Они нарочно выбрали тот путь к Нижнему Посту, который делал крюк по Долине, где им только что запретили появляться навсегда. Оставалась еще надежда, что Смотритель Боб объявит им: это все ошибка и скажет идти тем маршрутом, каким им хочется, куда бы он их ни привел. А теперь, когда стало ясно, что поход к Нижнему Посту неизбежен, им захотелось попрощаться со здешними местами. На всякий случай.

Свой давний лагерь они увидели обнесенным кольями с натянутой между ними желтой лентой. По всему периметру были расставлены знаки «Идет восстановление растительности».

– Ну и для кого этот знак? – спросил Карл, бесцельно пиная ленту. Она лопнула и повисла.

– Для нас, – ответила Беа.

– Воздействие на растительный покров здесь только по вине Смотрителей, – посетовал он.

– Давайте попросимся. – В голосе Глена слышались меланхоличные нотки.

– И кстати, – подхватил Карл, – если вы что-то оставили здесь, самое время забрать. – С этими словами он уставился на Беа в упор и усмехнулся.

Беа огляделась в притворном недоумении, словно спрашивая: «*О ком он говорит?*» Перехватила взгляд доктора Гарольда, сочувственно кивнула. Он стыдливо отвел глаза. Она рассчитывала перевести стрелки, но, кажется, узнала тайну. Док тоже что-то припрятал! Она огляделась: не только он один смотрел себе под ноги или вдаль, в сторону деревьев или нагромождений каменных глыб, идеальных тайников для запретного имущества. Карл стоял с надменным видом, скрестив руки на груди. Он-то, разумеется, не прятал ничего. Зато Беа заметила, что на лице Вэл негодование чередуется со смущением, и, когда все разошлись, увидела, как Вэл, крадучись, улизнула. Пусть себе Карл бесится от того, как упрямо Община цепляется за свое прошлое, за свои секреты, а вот Беа, напротив, взбодрила мысль, что люди, вместе с которыми она испражнялась, мочилась и чуть не загибалась от голода, слышала, как они трахаются, и сидела на бесчисленных собраниях, все же ухитрились сохранить частицу приватности. Дебри и люди в них вновь пробуждали в ней интерес.

Беа вернулась к себе в пещерку и жадно схомячила оба леденца. Меньше всего Агнес нуждалась в напоминаниях, что такое сахар. Беа наблюдала, как остальные украдкой разбредаются по своим излюбленным уголкам. Как ей только в голову пришло, что лишь она одна привязана к прошлому.

От зеленого сахара в ней забурило кровь. Сердце затрепыхалось. Стало казаться, что она способна преодолеть несколько миль бегом. Окрыленная, она кинулась к своему тайнику и обнаружила, что ее подушка и журнал исчезли, а вместо них появилась желтая лента «восстановление растительности». Сахарная эйфория мгновенно сменилась головной болью. Явление желтой ленты ощущалось как оплеуха. Как им только удалось отыскать ее нычку? Ей казалось, что за ней следят. Присев на корточки возле устья пещерки, она крепко обхватила колени, стараясь сохранять неподвижность, слиться с местностью. Таков один из способов самозащиты – уподобиться земле и живности, которая прячется на ней. Неужели и остальные втихомолку оплакивали свои потери? И чувствовали себя загнанными в угол, как она?

Скорчившись у входа в пещерку, она следила глазами за Гленом, который быстро направлялся к месту, где осталась лежать Маделин. В лагере она высмотрела Агнес, обматывающую Карла куском ленты с «восстановлением растительности», сорванной с колышков. Они стояли посреди огороженного пятачка. Агнес приплясывала, топала ногами и визжала, а Карл притворялся, будто его привязывают к столбу и в ближайшем будущем наверняка казнят. Его мольбы о пощаде долетали до Беа как тихий шепот, и она снова перевела взгляд на Глена.

Он постоял, глядя вниз, поковырял что-то пальцами босой ноги, присел, чтобы лучше видеть. Потом, все так же на корточках, провел ладонями по кустам и земле, засмотрелся вдаль, на пейзаж, который Беа выбрала для Маделин. Беа и не подозревала, что это место видно из пещеры. А вдруг он ошибся или не дошел куда надо? Или это *она* отошла не настолько далеко, чтобы скрыться из виду? И Глен, возможно, видел, как она хоронит их дочь, убежденная, что никто не нарушает ее уединение.

Беа снова посмотрела в сторону лагеря и Агнес. На свою малышку, наделенную даром выживания. На свою странную, деятельную дочь. Агнес бросалась на Карла с палкой. Карл

стонал, хватался за живот, делал вид, что его пырнули. С ее последним броском он рухнул на колени.

– Умираю, – переигрывая, он стонал голосом призрака, взмахивал руками.

Агнес склонила голову набок, глядя на полного сил, жизнерадостно умирающего человека. Замерла, потом выкрикнула: «Так умри!» – и плюнула на землю перед ним.

Карл взревел, опрокинулся навзничь и умер.

Довольно хихикая, Агнес принялась изображать, как вспарывает ему живот и выпускает кишки.

Взгляд Беа метнулся к горизонту в поисках Глена, но тот куда-то подевался. В том, что он ничего не припрятал, она была уверена.

Только теперь Беа заметила, что нервно роет ногтями землю и ободранные кончики пальцев уже стали скользкими от мелкой пыли. Она обсосала их дочиста и сплюнула бурым. Но не успела опомниться, как вновь заскребла по земле.

У Общины и раньше случались долгие переходы – переходы, с которыми, как им казалось, не сравнятся никакие другие. Один такой в первый же год вынудил некоторых уйти. Но, несмотря на то что они куда-нибудь шагали почти каждый день, и так изо дня в день, в другие квадраты они никогда не забредали. И бывали лишь на трех Постах – тех трех, которые выстроились в линию вдоль восточной границы карты.

Их первую карту выдали им сразу после окончания Инструктажа, пока они укладывались, готовясь к официальному выходу в Дебри. Подъехал Смотритель Кори и кинул ее из окна грузовика. Документ был странный, составленный без каких-либо представлений о масштабе. Его покрывали символы, придающие ему вид детской выдумки.

– А это что за черные круги? – спросили они.

– Места, куда нельзя, – ухмыльнулся Смотритель Кори. Он держался уверенно и насмешливо, но его лицо было молодым и неопытным.

Они указали на гору с плоской вершиной и оранжевый флаг, который кто-то раскрасил неряшливо, вылезая за контуры. Это был Пост.

– Далеко дотуда? – спросили они.

Смотритель Кори улыбнулся.

– Без понятия, еще не узнавал. – Он порылся в кармане и вытащил серебристый диск размером с его ладонь. – Кто у вас здесь за главного?

– А мы не намерены его выбирать, – горделиво отозвался Глен.

Смотритель Кори закатил глаза. Потом обвел взглядом их лица.

– Тебе, – сказал он, протягивая диск Карлу.

Карл принял его и сразу подтянулся, подобрался, довольный, что в нем распознали лидера.

– И что мне с ним делать? – спросил Карл, повертев диск в руке. Он нажал кнопку у края, диск щелкнул. Нажал снова. *Щелк.* Нажим. *Щелк.*

– Сообщить нам, сколько шагов отсюда до Поста, – сказал Смотритель Кори. – Один щелчок – один шаг.

Лицо Карла мгновенно исказилось от ярости.

– Вы, блядь, серьезно?

Смотритель Кори притворился удивленным, но не удивился.

– Да, я, блядь, серьезно. А что, какие-то проблемы? Ну так можешь сообщить мне заодно, сколько шагов до ближайшего выхода.

Карл стиснул счетчик в кулаке, пытаясь раздавить, и ринулся к Смотрителю. Тот отдернул голову, прячась в грузовике, и поднял стекло, оставив узкую щелку.

– Один шаг – один щелчок! – крикнул он, взревел двигателем и погнал машину прочь.

Наверняка у Смотрителей имелись и другие способы определять расстояния, намного более эффективные. А этот был напрасным трудом, способом превратить приятную прогулку в каторжный труд. Сделать их жизнь чуть менее свободной, чем им хотелось, по мнению Смотрителя.

Они выбрали направление и зашагали и через несколько дней очутились на обширных лугах со множеством антилоп – одни лежали, изящно подобрав ноги под себя, другие свернулись, вытянув их вдоль тела. Кое-где трава была настолько высокой, что Беа видела на колышущемся пространстве лишь подрагивающие настороженные уши. Ястребы расселись по деревьям, а не парили на приятном ветерке необычно теплого и солнечного дня. Несколько взбудораженных антилоп вскочили и принялись исступленно нарезать круги, будто в порыве раскаяния. Община шагала себе и шагала. В то время они были еще настолько неопытными, что не сообразили: это предостережения. Что-то должно произойти. Если бы они огляделись по сторонам, то увидели бы, как травы приникают к земле, тянутся вперед, будто каждая травинка стремится спастись бегством. А когда они очутились посреди открытой, выжженной солнцем равнины, град и ветер обрушились на них внезапно, словно натиск непогоды сдерживала лишь дверь, которая теперь распахнулась.

Они присели там же, где стояли, прикрыли головы тыками, прижались друг к другу и к земле, подражая поникшей траве. Перед самым носом у них поблескивала паутина, чуть покачивалась, будто от легкого бриза, потому что люди своими телами загораживали ее от самых сильных порывов ветра.

Вокруг жалобно постанывали антилопы, подавая друг другу голоса среди рева бури, пока та не заглушила все прочие звуки. Потом слышались раскат и треск нескольких тонких тополей, расколовшихся неподалеку.

Град вскоре кончился, а ветер не унимался. Солнце уже садилось. Они поняли, что худшее позади, когда ястребы вновь пустились в полет, полосую небо на плоских, напряженных под порывами ветра крыльях. Это была игра. Самцы красовались перед избранницами или бросали вызов соперникам. Трепеща, летели против сильного ветра и взмывали, подхваченные им. И замирали, как нарисованные, паря в вышине, в то время как на земле ветер сбивал Беа с ног.

Такой стала их первая сильная гроза. Напуганные, они не сходили с места так долго, что в конце концов прилетел смотрительский дрон, чтобы выгнать их оттуда. Они потащились дальше, сбитые с толку, с ослепшими глазами, со страхом переставляя ноги. В месте их назначения Карл прямо перед стойкой Смотрителя наступил на счетчик и раздавил его, но лишь после того, как сообщил количество шагов, которое нехотя подсчитал.

Это случилось в первый год, когда у многих из них еще имелись обувь и спальные мешки, когда некоторым все еще казалось, что они в турпоходе вроде тех, о которых они слышали от бабушек и дедушек, – там, откуда они скоро вернутся домой и смоют его с себя. Гроза стала для них первой наряду с первым длинным переходом по Дебрям. Еще много сезонов после этого они, словно эпос, рассказывали об этих событиях, рассевшись у костра. Это была история о том, откуда они взялись, как они стали частью этой земли. Им казалось, что они добились чего-то невозможного. Вроде как открыли новый мир. Беа вспоминала, как смотрела на своих близких, на кровавые мозоли, на палец своей ноги, ногтя на котором лишилась, и ощущала гордость. В общей сложности это путешествие заняло почти восемь недель. У некоторых из них тогда еще сохранились часы, показывающие время и дату. Тогда им все еще внушало трепет осознание того, что можно так долго идти в одном направлении и не уткнуться в тупик. Они пока не понимали, как много здесь земли для скитаний.

И вот теперь, съжившись в пещерке, Беа мысленно представила карту. Новый переход будет длиннее, намного длиннее того, памятного. Придется пересечь три линии перевернутых

букв W. Три горные цепи. Страх покалывал холодком пальцы ее рук и ног. Она поскребла в затылке, стараясь отделаться от тревоги.

Со своего места она видела, что почти вся Община уже вновь собралась. Они мелькали рядом с желтой лентой. Хотели поскорее уйти. Послышался шорох ступни, соскользнувшей с расшатанного камня, потом кряхтенье, снизу показалась сначала макушка Глена, потом его лицо с полуулыбкой и наконец руки и пальцы, которыми он цеплялся за камни, карабкаясь к ней.

– Где ты был, бродяга? – спросила она, хоть и знала ответ.

– Надо было осмотреться, попрощаться со здешними местами. На случай если мы не вернемся.

Она улыбнулась:

– Знаешь, мы ведь в любой момент можем вернуться на Средний Пост.

– Правда? – Глен уселся рядом, слегка озадаченный, принимая ее всерьез.

– Конечно! У Смотрителя Боба есть комната для гостей. Он звал нас пожить у него, когда захотим.

– Точно звал? – Он почесал голову.

– Нет. – Беа вздохнула. Она притворялась. Для нее это был один из способов продержаться очередной день под безжалостным небом. – Вообще-то нет, – повторила она. И думала, что это положит конец ее игре – Глен метнул в нее недоуменный взгляд, – но вдруг он расмеялся.

– А, ясно, ладно, я понял, – отозвался он. – Эй, Смотритель Боб! Миссис Смотритель Боб!

Беа выпрямилась.

– Слушайте, а можно нам воспользоваться вашей душевой?

– Только нам понадобятся полотенца. Да, и еще мыло. О, и я был бы не прочь побриться. Послушайте, Боб, – можно мне звать вас Бобом? – у вас лишней бритвы не найдется?

– Приветик, миссис Боб, ну что там хорошего по Экрану?

– Ой, что это? Неужто брецели?

Они захихикали, сталкиваясь трясущимися плечами. Глен никогда не предавался мечтам об уюте их прежней жизни, о любых благах цивилизации и, кажется, даже не скучал по ним. Беа была благодарна за то, что ей не пришлось мучиться один на один с кислой, тоскливой болью по прошлому, которую она сейчас испытывала.

– Знаешь, я тут подумала, – начала она, – может, стоило бы нам лучше податься в Частные земли.

Она все еще пыталась шутить, но договаривала уже упавшим голосом и не смогла посмеяться над собственным предположением, как собиралась. А шутка получилась неплохой, потому что сама Беа считала Частные земли выдумкой. Сказочным местом, о котором на ее памяти люди говорили постоянно. Местом, где живется лучше, проще и приятнее, как якобы жилось в прошлом. Тайным убежищем для богатых и влиятельных, где им можно иметь собственную землю и делать что они только пожелают. Частные земли считались противоположностью Городу и предоставляли все те свободы, которых Город больше предложить не мог, и в них можно было или верить, или нет. Беа всегда казалось, что количество тех, кто верил, растет тем быстрее, чем хуже становится жизнь в Городе. Верила теперь и одна из ее теток и до сих пор присылала ей вырезки из газет о существовании этих земель и секретные карты с указаниями, где их найти. Мать всегда велела Беа выбрасывать их. «Нельзя просто верить на слово всему, что тебе говорят, – твердила мать. – Только если на то есть веская причина». Муж тетки убедил ее поверить, и она стала беспокойной и замкнутой. А раньше была милой и смешной. Одним из самых близких людей матери Беа. «Да уж, а раньше с ней было так весело», – вздыхала мать.

Глен обнял Беа за шею и притянул к себе.

– Ну-ну, – зашептал он. – Будет забавно.

Она понимала, что большей частью Глен в это верит. Но сама не верила нисколько. Перед ее мысленным взглядом снова возникла карта, она увидела все эти неизведанные земли, эту бежевую плотную бумагу, все это ничто. Там, на другой стороне, они изменятся – вот и все, что она знала. И незнание, как именно изменятся, было далеко не единственным, чего она боялась.

Часть II

Вначале

Вначале их было двадцать. Официально пребывание этих двадцати в штате Дебри считалось частью эксперимента с целью выяснить, как человек взаимодействует с природой, потому что теперь, когда вся земля использовалась как источник ресурсов – нефти, газа, минералов, воды, древесины, пищи – или как место для хранения мусора, обслуживающих устройств и сооружений, токсичных отходов, – подобное взаимодействие оказалось потерянным для истории.

Однако большинство из этих двадцати мало что знало про естественные науки, и многим из них вообще не было дела до природы. У этих двадцати имелись те же причины, по которым люди во все времена отворачивались от всего, что было привычно, и пускались в путь к незнакомым местам. В штат Дебри они отправились потому, что больше было некуда.

Им хотелось сбежать из Города, где воздух стал отравой для детей, улицы были многолюдными и грязными, где ряды небоскребов тянулись до горизонта и дальше. И поскольку все земли, которые не поглотил Город, теперь служили, чтобы поддерживать жизнь в нем, казалось, что в Городе в настоящее время живут все. Независимо от их желания. Так что если из этих двадцати двое отправились в Дебри за приключениями и еще пара – за знаниями, то большинство сбежало туда, считая, что от этого побега тем или иным образом зависит их жизнь.

Вначале у них имелись обувь, армейские спальные мешки, палатки, легкая кухонная утварь из титанового сплава, эргономичные рюкзаки, брезентовые штормовки, веревки, ружья, патроны, налобные фонари, соль, яйца, мука и многое другое. Они вошли на территорию штата Дебри, разбили лагерь и в первое же утро напекли оладий. И посыпали их сахаром. Свои первые рагу они сдабривали беконом. Впрочем, их скарга хватило ненадолго. Тот первый день ощущался как каникулы в чудесном новом месте. Это ощущение тоже вскоре улетучилось.

Вначале оттенки их кожи напоминали древесное волокно, речной песок, влажные корни растений, сочную изнанку мхов. Их глаза были карими. Волосы темными. У всех имелся полный набор пальцев – все десять на руках и ногах. На коже отсутствовали шрамы. В число опасностей Города царапины и порезы никогда не входили.

Вначале о них писали, о них информировали оставшихся в Городе. Группа людей, которые отказались от благ цивилизации, чтобы жить в глуши? Зачем и кому это могло понадобиться? Авторы обзорных статей гадали, что с ними станет. Журналисты из мейнстрима гадали, от чего они бегут. Альтернативная пресса – известно ли им то, чего не знают остальные. Простые люди отправляли им посылки с домашним печеньем, кофе, хот-догами – как правило, несъедобными к моменту получения. Батарейки, зубные щетки, ручки. Бесполезные предметы для тех, кто пытается вести жизнь первобытного человека. Однажды им прислали сорокафунтовый чугунный котел. Семейную реликвию. Он годами валялся в чулане, писал на открытке его прежний хозяин. Рука не поднималась выкинуть. Он выражал надежду, что им котел пригодится. Смотритель сфотографировал, как они притворяются, будто даже все вместе никак не могут поднять его. Все они улыбались или корчили страдальческие гримасы. Снимок отправили хозяину котла, чтобы хоть как-нибудь поблагодарить его. И заодно дать понять, какой это нелепый дар тем, кому каждый день приходится ходить пешком и носить на себе пожитки. После краткого обсуждения все проголосовали за то, чтобы не брать его с собой. Решение было очевидным. Но тем вечером они приготовили в нем еду. И с тех пор таскали Чугунок с собой.

Вначале они безропотно соглашались сдавать кровь из пальца, мазки с внутренней стороны щеки, мочу на анализ, терпеть замеры артериального давления, заполнять опросники

всякий раз, когда приходили на Пост, – чтобы выяснить, как они воздействуют на природу и как природа воздействует на них. Проведенные ими в Дебрях дни становились для кого-то данными, хоть они так и не поверили, что эти данные могут быть настолько важными.

Вначале они следовали всем пунктам Инструкции, письменному уставу штата Дебри, – из страха, что их отправят домой. Никогда не устраивали лагерь повторно на одном и том же месте. Собирали весь свой мусор и даже тот, который никак не мог принадлежать им. Закапывали кости. Тщательно вымеряли глубину ям для туалета и расстояние от ям до источников воды. Восстанавливали места, где разводили костер, до состояния нетронутой земли. Ходили так, что никто бы не догадался, что по этому месту прошли двадцать человек. Не оставляли следов. Пили непригодную для питья воду, потому что не всегда удавалось найти хорошую, и расплачивались за это.

Но все это было в самом начале.

Со временем ружья, палатки и спальные мешки пришли в негодность. И они научились дубить кожи, сшивать их жилами, охотиться с самодельными луками, с удобством располагаться на ночлег на земле под открытым небом. Соль закончилась последней. И, когда ее не осталось, они узнали, что настоящая пища имеет вкус земли, воды и усилий.

Со временем они поджарились на солнце, потемнели, как темнело все вокруг, пропитавшись дождем. Их темные волосы приобрели оттенок бронзы. Глаза по-прежнему остались карими, но сухими, в коросте, и тоже обожженными солнцем.

Со временем они научились умению вовремя прятаться, прислушиваясь к птицам. Научились осторожности, наблюдая за оленями. Научились дерзости, увидев, как волчья стая завалила здорового лося. А потом узнали, как разглядеть почти незаметную хромоту, которую скрывал здоровый на вид лось. Узнали, как определять времена года не по часам, разбившимся в первые же несколько месяцев, и не по календарям, которые они сожгли, как только резкое похолодание стало для них угрозой отморозить пальцы, а по тому, что вывелось и вылупилось, что сначала выглядело маленьким, и по тому, насколько долгим был его рост. Они научились определять возраст живности не по размеру, а по окраске и лоску шерсти и оперения. Научились брать курс на предгорья, заслышав брачный клич оленя-вапити. А когда видели самку, раздавшуюся в ширину почти как в длину, даже если снег все еще был высок, знали, что пора плестись обратно на равнины. Они узнали, как различаются вкус и запах листвы в зависимости от времени года, узнали тайную сладость трав с красными метелками по осени и горечь последних трав сезона, погребенных под зимним снегом, но почему-то все еще зеленых, как у ядовитых грибов бывают приманчивые оттенки. На такие цвета клюют только недоумки. Цвет – это предостережение. Они усвоили и это. Узнали, что можно есть, наблюдая, как кормятся животные.

Со временем все они столкнулись с тем, как какая-нибудь резинка для волос, зубец вилки, растрепавшаяся веревка или одинокая серьга терялись и не находились во время сбора микромусора. Стали рыть отхожие ямы там, где не положено, и недостаточно глубоко. Разбивали лагерь вновь и вновь на одних и тех же местах, поскольку чувствовали себя там как дома. И находили краны на трубах из скважин или водоносных горизонтов под землей. Те самые краны, которые устанавливали Смотрители для борьбы с пожарами. Краны, которыми Общине не полагалось пользоваться. Воду оттуда они набирали при каждой возможности, потому что она была чистой, и, когда они пили ее, им не приходилось беспокоиться, как в самом начале.

Даже исследование со временем, похоже, застопорилось. Они начали пропускать сезонные визиты на Посты из-за бурь. А когда наконец добирались туда, оборудование не работало. Или медсестры не было на месте. Опросники не обновлялись. Связь с учеными отсутствовала. Может, они просто изучают что-то другое, не требующее анализов крови, надеялась Община. Или ученые уже закончили работу и просто забыли сообщить остальным. И если так, что будет с ними? Им придется уехать отсюда? Но когда тревога достигала пика, всякий раз на Пост

являлась медсестра со своими перчатками и иглками, и опросники опять оказывались слишком назойливыми и личными, и все становилось нормальным. Или настолько нормальным, насколько это было возможно.

Со временем пресса и люди в Городе ополчились против них. После того как известие о первом умершем (Тим, от переохлаждения) наконец дошло до Города, в обзорных статьях их начали называть эгоистами, варварами, даже убийцами и выражать надежду на их скорую гибель. Об этом им сообщили явно недовольные произведенным впечатлением Смотрители. Они требовали, чтобы Община занялась сведением ущерба к минимуму. Тогда Хуан написал редактору, чтобы объяснить, как им здесь живется и что они узнали о смерти. В письме он рассказал, как однажды вечером, еще в самом начале их первого года, они наткнулись на олененка-заморыша: свернувшись в тугой клубок под густо растущими деревьями, он положил узкую головку на блестящие черные копыта. К утру он исчез. Он попадался им по вечерам еще трижды. Убегать не пытался. Только поднимал голову, смотрел на них и клал на прежнее место. Они решили, что мать оставила его здесь, чтобы он дождался ее возвращения, как делают олени. Но на четвертую ночь они увидели, как он выходит из травы шаткой неуверенной поступью и направляется к деревьям. Один.

Большое стадо оленей проводило вечера поблизости в зарослях травы. И хотя этот осиротевший малыш держался неподалеку от сородичей, к ним он не присоединялся. По известным только стаду причинам этому олененку не было места в нем. И все же он не уходил далеко, инстинкт самосохранения боролся в нем с представлениями об устройстве оленьего социума.

На четвертую ночь температура снизилась, утром Община проснулась на искрящейся от инея траве. Некоторые сразу бросились к деревьям и с облегчением увидели, что олененка под ними нет. Но потом заметили его чуть поодаль, в высокой траве. Он лежал замерзший, с вытянутой шеей, словно напрягшейся для дыхания, передние ноги были согнуты так, будто он сначала упал в изнеможении на колени, а потом рухнул на землю. В изыщном ушке застыла лужица крови. Другой олень в нескольких шагах от мертвого олененка безмолвно слизывал иней с травы. Общину взяла тошнотворная злость. В оленя полетели камни. «Почему вы не позаботились о нем? – крикнул кто-то. – Он ведь тоже был оленем!»

Они поняли, только когда в лютый ночной мороз потеряли Тима. Разумеется, они отличались от оленей. Но не настолько, как им всегда казалось. Той ночью они понимали, что он мучается, но ведь мучились и все остальные. И в какой-то момент сработал некий рефлекс. Их изумила легкость, с которой крик о помощи был истолкован ими превратно. И даже пропущен мимо ушей.

Опубликованное письмо жители Города восприняли с омерзением. И вскоре во всех статьях начали описывать ужасную гибель, которую предрекали Общине в Дебрях, – как они сгорят заживо в лесном пожаре, как их изувечит пума, как их силы истощит безудержный понос. Смотрители пересказывали им все это и, казалось, злорадствовали. И некоторые из них в самом деле умерли именно так, как им предсказывали. В конце концов, их численность сократилась до одиннадцати человек. Не то чтобы эти потери не были трудными. Просто теперь потери стали неотъемлемой частью их повседневной жизни, как и многое другое.

Вот почему им грел душу вид животных постарше – скажем, вапити с сединой на морде и легкой хромотой, которая была бы более заметной, если бы олень не научился скрывать ее. Он выжил. Заботливая мать и стадо оберегали его, когда он был уязвим. Испытания обрушивались на стадо, и оно выдержало их. Пожары, проносившиеся по равнинам. Наводнения и оползни. Болезни, перескакивающие с одного оленя на другого. Засухи и взрывной рост популяции, означающие жестокую борьбу за всю необходимую пищу. Были изведаны и удовольствия. Такие, как бодаться, лягаться и носиться по холмам в дни юности вместе с другими телятами. Неестественная плавучесть при первом купании. Первое прикосновение к снегу

копытами – еще одно ощущение, полное удивительной новизны. Из-за него не сразу была замечена тревожность, с которой стадо рылось носами в мягкой пудре, разыскивая еду.

Если олень был самцом, ему случалось участвовать в поединках. Сколько гаремов он защитил? Сколько сочащихся кровью ран стали шрамами на его мощном теле? Если самкой, рождались телята. Видела ли она, как они убегают прочь, довольные и здоровые? Или была вынуждена смотреть, как самый слабый из них, прежде чем пасть жертвой стаи волков, жалобно зовет ее? А если она была альфа-самкой, матриархом, доводилось ли ей тревожиться о правильности своих решений? Или сознавать, что она непригодна для того, чтобы вести за собой стадо?

Но как бы то ни было, каждую ночь это животное устраивалось на ночлег под шелестящими деревьями, на палой листве или в траве, под луной и звездами, слушая совиные голоса и осторожную поступь ночной живности, целый новый мир, сравнительно не известный ему, за исключением некоторых моментов затишья, – и утешалось лишь присутствием сородичей и тем, что прожит еще один день. Без каких-либо гарантий на завтрашний.

И для Общины мало что отличалось. Они жили той же самой дикой жизнью. Конечно, они всегда могли перехитрить животных. Или почти всегда. Стремление выжить сильно. Даже самое неразумное из существ может действовать по-умному, если от этого зависит, увидит ли оно еще одно утро под прохладными лучами солнца в штате Дебри, в последних дебрях, которые оставались дикими на тот момент.

Разумеется, теперь их больше нет. Но не будем пока об этом.

Часть III

Большой переход

Этот переход они стали называть Большим, потому что идти пришлось целый сезон и еще часть следующего, прежде чем удалось приблизиться к предгорьям самой первой из трех горных цепей, которые предстояло пересечь.

Во время Большого перехода они шагали по совершенно новым ландшафтам. Оказывались на лугах, пахнущих мускатным орехом после дождя. В долинах со стадами трубящих вапити и звуками утраченного мира. Дикими аналогами неотвязного, тоскливого свиста со стороны Нефтеперегонок – заводов за чертой Города. Попадали в окружение странно низких гор, где неровно выветренные пики соседствовали с пологими, мягко очерченными красно-верхими холмами. Издалека некоторые из этих холмов напоминали многоярусные свадебные торты. Вблизи же оказывались всего лишь некогда прочными, а теперь рассыпающимися возвышениями. В траве, полосами растущей между ними, там и сям виднелись можжевельник и сосны.

По ночам звезды мерцали, сблизившись так тесно, что облако их света окутывало небо целиком. И смотрелось гораздо утешительнее, чем скупой охват Млечного Пути.

Они пересекали новые полынные моря, где единственным событием был дождь. В чем тут дело – во времени года или в климате, – они не знали. Мокрая полынь пахла лучше, чем когда бы то ни было. Даже лучше, чем прокаленная солнцем. Пахла чистотой, мылом и делала воздух вязким. Вспугнутые олени мчались прочь, прочь, прочь, потом останавливались и оглядывались. А увидев, как они стоят неподвижно, олени вновь срывались с места – прочь, прочь, прочь. Горизонт был недосыгаем.

Они набрали на настоящую пустыню, или так им показалось. С мягкими засоленными песками, где они сбились с пути, когда солнце встало над головой, изменив светом текстуру поверхности земли. С пересохшими глинистыми ложами озер, плаями и характерным узором темных трещин. Раскаленный горизонт плыл перед их глазами, точно река из золота.

Целыми днями они брели среди растительности высотой по колено, вдоль соленых озер – иссохших, белых, подернутых коркой и потрескавшихся, вверх по длинным пологим склонам, затем вниз, и вид всюду был один и тот же: очередное пространство, занятое вперемешку бурой и зеленой полынью, белесой травой с метелками, каждое растение само по себе, обвившее само себя и только себя. Можно было пройти между кустами, не задев ни один из них. Сиротливый это был ландшафт.

Порой попадалось дерево – чахлое, но приметное, и Беа думала: *«Бедолага»*.

Склоны, по которым они брели, выглядели так, будто великан приподнял землю за переднюю кромку. Пласты земли полого возвышались и заканчивались обрывами. Достигнув верхнего края каждого из них, кочевники съезжали по откосу на дно очередной долины, которая казалась плоской, как лист бумаги. Лишь ощутив напряжение в икрах, они понимали, что вновь взбираются в гору.

Порой откосы оказывались настолько высокими, что приходилось спускаться, съезжать или скатываться на целые этажи каменистой почвы вниз, а иногда не превышали нескольких сотен футов, но людям казалось, что при каждом таком спуске они теряют только что набранную высоту. Рельеф с нулевой суммой. Но каждая следующая ночь на этом пути высоко над уровнем моря становилась холоднее предыдущей, и они понимали, что мало-помалу поднимаются к новым горам.

Шагали они в основном молча, настороженные неопределенностью пункта своего назначения и непривычностью земель, которые вели к нему. С каждым новым склоном, оставшимся

позади, они видели все меньше и меньше растительности, и Беа не то чтобы ощущала, что ландшафт меняется, а, скорее, не могла отделаться от чувства, что он просто исчезает из-под ее ног и что вскоре под ними не останется ничего, почти ничего. Полынь и травы редели, пески становились все более рыхлыми, смешались под порывами ветра. С верхней точки каждого подъема казалось, что все дно долины шевелится, полное призрачных змей, скользящих между растениями. В необозримости этой земли их ненадежные глаза замечали скорее движение, чем присутствующую рядом с ним неподвижность. По ночам, когда они устраивали привал, им плохо спалось под пронизанным светом, деятельным небом.

* * *

В конце одного длинного дня с постепенным подъемом в гору они достигли вершины и увидели с нее очередную долину. Заметили далеко справа шлейф повисшей в воздухе пыли. А в голове пылевого облака – лошадей, может, с дюжину, стремительно и дружно скачущих через долину.

– Наверняка к воде, – сказал Глен.

– Подождем здесь и посмотрим, остановятся или нет, – отозвался Карл. – Вода нам всегда нужна, а тащиться ради нее семь дней не в ту сторону – не очень.

Они сели. Одни болтали свисающими с обрыва ногами, другие разлеглись в полыни. Сверху плаксиво покрякивал ястреб: «*Прочь, прочь*». Карл и Глен стояли, прикрывая глаза сложенными козырьком ладонями, и следили за скачкой лошадей.

И когда те были уже на самом краю поля видимости, пыль остановилась, облако осело. Карл поднес к глазу зрительную трубу и заглянул в треснувший окуляр.

– Зеленое, – сказал он, целясь в точку на горизонте, где тени казались чуть темнее, чем вокруг. – Не очень далеко. – И он передал трубу Глену.

Спустившись в долину, они направились по следу лошадей и день спустя вышли к небольшому болотцу вокруг пульсирующего родника. Беа ужасно хотелось услышать ржание, увидеть, как кони задирают друг друга, или даже удостоиться высокомерного взгляда, каким умеют смотреть лишь лошади, но тех уже и след простыл. Там, где они стояли, чахлая травянистая поросль была примята или затоптана. На земле остались отпечатки диких копыт.

– Берите воду из самого родника, – предупредила Вэл. – Тупые кони здесь все засрали, – она скривилась.

Беа видела конский помет только один раз, на сухой земле далеко от воды. Она смотрела, с какой злостью, будто это в самом деле дерьмо, Вэл распинывает комья земли.

Взяв Агнес за руку, Беа повела ее в обход маленького, но живучего болотца. Они переступали через тонкие струйки, которые стремились куда-то к новым далям, но высыхали раньше, чем добирались туда. Из-под их ног выскочила лягушка, обе от неожиданности засмеялись.

– Лягушка! – крикнула остальным Беа, но никто не услышал. Лягушка поскакала прочь, поднимая брызги и кваканьем призывая сородичей, и вскоре затерялась в болотце, зеленом по краям и голубом от неба, отразившегося в самой сердцевине.

– Откуда оно взялось? – спросила Агнес.

Беа окинула взглядом травянистые кочки и полынь, буйные и неприветливые.

– По-моему, оно было здесь всегда, – сказала она.

Община бродила по щиколотку в вязкой грязи, мутила воду, передавала из рук в руки личные фляжки, мехи, несколько больших пузырей и бутылок, из которых пили все вместе, и наполняла их водой из родника. Они пили, снова набирали воду, потом стали рвать водяной кресс, буйно разросшийся по берегам. От внезапной влажности все размякли, стали сонливыми и вскоре улеглись всего в нескольких сотнях шагов от воды.

Ночью Беа слышала парад живности. Семенящие шажки грызунов. Легкую поступь кой-ота, негромкий шорох копыт антилопы по земле. Почти не сомневалась, что одна из антилоп наткнулась на их лагерь и шарахнулась от неожиданности. Слышала, как тихо плещется вода, до которой достают носы и языки. Она села и увидела силуэты и слабый блеск глаз вокруг воды, мерцающей в рассеянном свете ночи. Выходил месяц, отбрасывая на дно долины светящуюся дорожку. Яркую, как пламя, ленточку. Не верилось, что можно озарить сразу так много. Но все-таки она видела животных, идущих к воде, видела даже отметины у них на шкуре.

Потом она услышала за спиной отрывистый щелчок, что-то просвистело над ухом, и мгновение спустя антилопы с топотом помчались прочь и скрылись в тени. Обернувшись, она увидела, как сидящий Карл опускает охотничий лук.

Переведя взгляд на Беа, он спросил сонно и невнятно:

– Это сон?

– Ты чуть в меня не попал, – прошипела она, с сомнением ощупывая ухо: а вдруг попал? Карл протер глаза и взгляделся в темноту.

– А тех зацепил?

– Нет, конечно, – огрызнулась она.

– Да ладно тебе. – Он стряхивал с себя сонливость. – Ничего с тобой не случилось.

Беа почувствовала, как в ее ногах завожилась Агнес. Она не спала. Вероятно, Агнес не спала все это время, потому что, казалось, она всегда бодрствует, бдит и наблюдает. Беа сильно толкнула ее ногой.

– Даже звери спят, шпионка ты маленькая, – прикрывая рот, сказала она.

Агнес притворилась мертвой. Беа снова улеглась и свернулась клубком, отодвигаясь от дочери и от Глена, который все проспал.

До нее долетел шепот Карла:

– Пойду гляну, не зацепил ли кого.

Она услышала, как он удаляется к воде. Потом – как посвистывает, возвращаясь.

Он зашуршал постелью, укладываясь.

– Слышь, Беа, – свистящим шепотом позвал он, – нет, не зацепил. – И, не дождавшись от нее ответа, снова зашипел: – Ты слышала, что я?..

– Заткнись.

Он хмыкнул, довольный, что разозлил ее.

В ногах заерзала Агнес, передвинулась так, чтобы хоть какой-нибудь частью тела касаться матери.

Беа закрыла глаза. Услышала гул насекомых, оживших с наступлением безопасной темноты. Навострила уши, надеясь различить шаги других животных, явившихся на водопой, но ничего не услышала. Сквозь опущенные веки светил месяц. Тень скользнула перед ее глазами, насекомые притихли, и она поняла, что это тень не от какого-нибудь заплутавшего облака, а от летучей мыши, охоту которой изобличил лунный свет. Ей представилось, как луна заключает некий пакт со всей потенциальной добычей равнины и вся эта добыча возносит благодарности и маленькие жертвы своей хранительнице-луне. Потом представилась и летучая мышь – как она в одиноком полете проклинает луну, свет и благодарных тварей внизу, на земле, и дает обет отомстить им всем.

* * *

После многодневной ходьбы по все более голому ландшафту однажды на закате они достигли верхней точки склона. За долиной под ним раскинулась плайя – обширное, белесо-иссохшее озерное ложе, простирающееся в обе стороны дальше, чем хватало взгляда. А его дальний берег окаймляла высокая горная гряда, припорошенная снегом. Гряда состояла из

ряда похожих на луковицы сопок, явно более округлых, чем любые формы, какие только Беа видела на естественных ландшафтах. Находящиеся в тот момент в тени сами сопки были угольно-черными и, вероятно, при дневном свете тоже. Но тонкий слой снега лишил их очертания четкости, и Беа, разглядывая их, подумала, что они напоминают старые рисунки, на которых киты выгибают дугой спины, прежде чем нырнуть в глубины океана.

– Должно быть, там он и есть, Пост, – сказал Глен.

Но они не заметили ни зданий, ни других сооружений.

– Утром увидим, как крыша блестит на солнце, и узнаем, – объявил Хуан.

– Давайте-ка разведем костер, поедим – и спать. Тогда можно будет проснуться и закончить этот жуткий переход, – предложила Вэл.

Они собрали весь сушняк, какой смогли – обломанные и высохшие ветки полыни, прутья в коросте странного оранжевого лишайника, – и добавили к нему растопку, которую старались носить с собой. От костра пахло лекарствами, он больше дымил, чем горел. На нем испекли желудевые лепешки и разогрели несколько ломтей копченой оленины, которые получились почти сочными.

Когда угасли остатки солнечного света, Карл созвал всех к костру. Сидя на корточках, он водил по земле веткой.

– Может прийти время, когда нам понадобится разделиться.

– С какой стати нам это понадобится? – спросила Беа.

– Я о том, чтобы прикинуть на всякий случай. По-моему, неплохо было бы продумать варианты. – Карл бросил ветку в костер, но она перелетела через него и попала в доктора Гарольда, сидящего с другой стороны.

Тот ойкнул.

– Извини, – сказал Карл. – Беа, есть возражения?

– Как будто бы нет.

– Вот и хорошо. Сейчас мы движемся группой, а надо разбиться на пары, как вначале.

– А нельзя просто остаться в той же паре, как раньше? – спросила Дебра.

– У некоторых пары умерли, – напомнил Хуан, пары которого уже не было в живых.

– Еще меня беспокоит, что у разных людей разные роли и что не каждому из нас известно, как справляться своими силами.

– Ну, мы же группа, – отозвался Глен. – Чем плохо, если мы думаем о себе как о группе?

– Тем, что группой мы, возможно, останемся не навсегда, – гнул свое Карл. – А мы даже не знаем, как действовать самостоятельно, без помощи остальных. К примеру, всякое ядовитое – растения, грибы, насекомые и так далее – обычно определяют Дебра и доктор Гарольд.

Доктор Гарольд подал голос:

– Карл, на самом деле я не...

– А если вы останетесь одни и будете голодать? А если найдется только одно растение – то, которое вы никогда прежде не видели? Или вы наткнетесь на источник воды – вам известно, как определить, что она чистая?

Никто не ответил. Не потому, что они не знали, а потому, что им не нравился тон Карла. Тон был ворчливый и укоризненный, а они вымотались и хотели спать.

– Так как же проверить, пригодна вода из источника для питья или нет? – подхватила Вэл высокомерно и раздраженно, пытаясь скрыть, что и сама она, вероятно, понятия не имела как.

– Спросить у животных, – сказала Агнес.

Послышались смешки взрослых.

– Какая прелесть, – умилилась Дебра.

Агнес нахмурилась.

– Спросить у животных, – повторила она, понизив голос, словно чтобы придать ему серьезность. – Спросить: «Откуда вы пьете?» – а потом идти туда, где они пьют. Хочу попро-

бовать еду – даю ее сначала животным. Они едят – и я ем. Они не едят, и я тоже нет. Спросить: «Куда вы идете?» И в ответ они туда и пойдут.

– Для начала неплохо, – сказал ей Карл. – Но это всего лишь общее правило, для жизни его не хватит.

Беа заметила, как насупилась Агнес от этой поправки.

Карл продолжал:

– У нас с животными разные потребности и разные орудия. У нас есть огонь, так что мы можем есть больше. У нас есть противопоставленные большие пальцы, так что мы можем охотиться успешнее. У нас в кишечнике другие микробы, так что мы можем пить из большего количества рек.

– Вообще-то, – вмешался Глен, – из-за наших микробов мы можем пить из меньшего количества рек.

– Ну, я-то могу из большего, – парировал Карл, – а что не так с твоими микробами – без понятия. – В мерцающем свете костра казалось, будто он скалит зубы.

Агнес шмыгнула носом, будто плакала, и Беа поставила ее на ноги и вывела из круга. Глен пожал плечами, пока они проходили мимо.

Они уселись на их постель из шкур.

– Ты расстроилась? – спросила Беа у Агнес.

– Нет, – ответила та. – Мне дым в нос попал.

«Причина настолько же, если не более вероятная, как и слезы на эмоциях», – подумала Беа. Она отыскала у себя в сумке щетку и провела ею по волосам Агнес.

– У тебя все спуталось. Надо бы нам расчесываться почаще.

– Мне не нравится.

– Понравится, если будем чаще. Большинству девочек нравится, когда их причесывают. Волосы Агнес ложились волнами и бронзовели. Перья папоротника.

– Карл правда может пить из многих рек? – спросила Агнес.

– Нет.

– Почему же тогда сказал, что может?

– Потому что иногда Карл говорит не то, что есть на самом деле.

– Но даже когда Глен сказал, что он не прав, Карл сказал – нет, прав.

Беа ответила:

– Не слушай ни того ни другого. – Она помолчала. – То есть Глена все-таки надо слушаться, потому что он не чужой. И потому что он умный.

– А Карл нет? – спросила Агнес, сама простота.

– М-м... – замялась Беа.

– По-моему, они оба не правы.

– М-да? – Беа улыбнулась в темноте.

– Да. Животные всегда правы, и, когда я делаю, как они, ничего плохого не бывает.

– В следующий раз, когда мы захотим есть, пить или заблудимся, я буду делать так же, как ты.

– Ладно. – Агнес выпрямилась. И, кажется, загордилась.

– Надо бы нам подрезать тебе волосы.

– Нет, – отказалась Агнес.

– Ну, короткие волосы ведь не так путаются. И надо что-то сделать с этими колтунами. – Беа крепче взялась за волосы Агнес у корней и попыталась разодрать их щеткой до концов. – Если сомневаешься, слушай Глена, – продолжала она. – Разница в том, что Глен любит тебя, а Карл нет.

– Карл меня любит, – возразила Агнес. – Он сам говорит.

Спутанный клубок волос поддался, голова Агнес дернулась.

– Ай, – она опасливо притронулась к голове в том месте, где раньше был колтун. – Карл говорит, что любит меня и любит тебя, – продолжала она.

– М-м... – Беа не желала слышать, кого любит Карл. И сомневалась, что он любит кого-нибудь, кроме себя.

Они помолчали.

– А *ты* меня любишь? – спросила Агнес.

– Конечно.

– Даже когда злишься?

– Я никогда не злюсь, – соврала Беа. Ей не хотелось, чтобы Агнес видела ее такой. И разве не лучше, если все ее действия будут считаться любовью? Беа снова дернула за щетку, Агнес захныкала: «Мама!» – да так жалобно, что Беа остановилась. Теперь макушка Агнес выглядела как мягкий ровный купол в гнезде из колтунов.

Агнес забрала щетку и принялась раздирать волосы сама, не переставая хныкать.

– А может, легче будет, если намазать волосы салом? – с надеждой спросила она.

– Ага, давай, и пикнуть не успеешь, как койоты оставят тебя вообще без волос.

Агнес улыбнулась, несмотря на боль.

– Да не будут они, – почти смущенно возразила она, и Беа увидела, как ее лицо исказилось в попытках представить, как койоты тычутся носами в ее волосы.

– А могли бы. – Беа рассмеялась. Но она и вправду думала, что могли бы.

Она увидела, как взрослые встают, расходятся, кто-то гасит костер. Собрание закончилось, скоро все начнут укладываться.

Беа демонстративно зевнула.

– Пора спать.

Агнес попыталась удержаться и не зевнуть по ее примеру, но все-таки сдалась. Они улеглись, Агнес в ногах. Беа хотелось, чтобы она переползла выше и уснула в ее объятиях, как делала, когда была младше, но просить не решилась – не хотела услышать от нее отказ. Так что она стала ждать, когда порыв холодного воздуха возвестит, что и Глен ложится к ним, но уснула еще до его прихода.

* * *

Они уже видели, что у гряды прежний сухой ландшафт заканчивается, и подобно узникам, привыкшим жить в неволе, боялись расстаться с ним, с тем местом, которое так отчаянно стремились покинуть. Беа оглядывалась через плечо почти так же часто, как гладела на возвышающиеся впереди округлые холмы. Она знала, что по другую сторону от них совершенно иной мир. Думала, что это наверняка граница Рудников. Земля находилась преимущественно в активном пользовании, труд был автоматизирован, но Беа знала, что где-то же должны жить рабочие, без которых нельзя обойтись. И рабочие эти – скорее всего, люди, которым не по карману даже самая тесная конурка в Городе. Которых вытеснили оттуда, выдавили высокие цены еще несколько поколений назад. Теперь они проводили в казармах или малобюджетных жилищных комплексах всю свою погрязшую в долгах жизнь. Все, что происходило за пределами Города, всегда казалось вроде как загадочным. Тот тип из Промзоны, с которым она трахалась, объяснял, что жилье ему досталось даром, по службе, и в это верилось с трудом. Беа впечатлилась. Ей показалось, он этим гордится.

Сильный ветер настиг их у самого края плаьи, и они решили сделать привал на ночь. Никаких признаков Поста или других строений они так и не увидели. Зато обнаружили следы цивилизации. Брошенный металлолом и несколько деревянных столбов, провода с которых давным-давно исчезли, только ястребы сидели на верхушках, высматривая добычу. Опроки-

нутый стол для пикника в долине. От непогоды он стал почти белым и оброс лишайником умбиликарией, которую они обообрали и съели.

Сидя на краю плайи, Беа смотрела, как мелкий песок с пересохшего дна озера свивается в недолговечные смерчки, поначалу воодушевленные и бойкие, а потом угасающие словно от понимания, что нечему здесь радоваться. Гряда вздымалась справа от нее, а со стороны равнины высокие валы бурых туч вдали крепко держали в объятиях горизонт. Пыльные бури. До них было так далеко, что Беа отличала одну бурю от другой. Всего насчитала три. Их фронты выстреливали вперед змеиными языками, стремительно метались из стороны в сторону, выясняя, где находятся. Хвосты волочились по земле, как мешки с песком.

Беа слышала, как у нее за спиной Агнес болтает с птицами, прячущимися в долине. Агнес всегда разговаривала с затаившейся живностью, хоть Беа и объясняла ей: эти существа именно потому и прячутся от нее, что она говорит с ними. «Им хочется считать, что ты не знаешь, что они там», – втолковывала Беа.

«А я хочу, чтобы они знали, что я их вижу. Чтобы поняли, что прятаться надо лучше».

Против этой логики Беа было нечего возразить.

Она смотрела, как Агнес бесшумно порхает среди кустов, щебечет без умолку и машет руками, а птицы, заложники безумных выходок ее дочери, пронзительными голосами жалуются в ответ. И вспоминала времена, когда Агнес не могла поднять голову с подушки, покрытой пятнами крови. И как часто ей приходилось опрометью бежать к частному врачу, который жил в том же здании и по экстренным случаям задирал цену. Все те ночи, когда она лежала на полу рядом с кроваткой Агнес, прислушивалась к каждому ее вздоху и когда слышала одышку, у нее замирало сердце. Сколько раз слезы успевали навернуться на глаза, когда паузы между затрудненными вдохами Агнес непомерно удлинялись. Это было невыносимо.

Она не забыла, какие чувства вызывали у нее разговоры с Гленом. После очередного экстренного обращения к врачу, за круглым столиком с полупустыми бокалами, почти нетронутым ужином, макаронами, остывшими на ее вилке, так и пролежавшей на столе там, куда она была брошена, едва послышалось «мама!». Все еще играла приглушенная музыка. Агнес спала. Благополучно. Глен читал краткую лекцию о переездах ради выздоровления – когда-то распространенных, но с тех пор полностью забытых. О санаториях, о том, как люди спешили в далекие края, чтобы поправиться. Подышать свежим воздухом. Обрести здоровье вдали от мест, обременивших их болезнью. «Да это-то здесь при чем?» – отмахнулась она, прислушиваясь к звукам из комнаты Агнес. Они с Гленом в то время еще не были женаты, хотя и знали, что поженятся. В Агнес он уже влюбился. И когда стал подробно излагать суть исследований и своей идеи, Беа откликнулась: «Похоже на безумие». «Оно самое, – согласился он. – Но, если мы останемся, она умрет». И это прозвучало так категорически, так однозначно, что Беа ощутила сказанное как пощечину. Они уставились друг на друга, не говоря ни слова. Ей казалось, что прошло несколько часов. Хорошо бы в голове у нее вертелись другие мысли. Вроде *«ну вот, даже думать не надо – само собой, так мы и сделаем»*. Или *«все что угодно»*. Но на самом деле она думала: *«Значит, придется нам рисковать своей жизнью, только чтобы спасти ее? А это обязательно или у меня есть выбор?»* Она взглянула на Глена и увидела на его лице то самое решительное выражение. То самое *«другого выхода нет»*. И поймала себя на том, что ее взгляд стал растерянным, бегущим. Она думала о том, с каким нетерпением ждала, когда они втроем будут жить одной семьей здесь, в этой уютной квартире. Думала о проектах, очередность которых уже выстроила, и о том, что теперь не сможет выполнить их. О крупных контрактах, которые образовались после того разворота в журнале. О карьерном сдвиге. Думала о своей матери и о том, что ее придется оставить. Если они решатся, Беа заранее знала, что мать на такое не пойдет. А она все еще нуждалась в матери. Разве нет? Неужели ее потребности уже ничего не значат? Беа передернуло от собственной черствости. Она ударила себя сбоку по голове, чтобы растряссти в себе гуманизм. Думать в первую очередь о дочери. И не замечала,

что продолжает бить и бить себя, пока Глен не схватил ее за запястье и не прижал ее руку к телу, не обнял ее; только тогда она ощутила на лице горькие слезы. Всхлипы она глушила, уткнувшись в его плечо. *«Это и есть материнство?»* – думала она яростно и несчастно, пытаясь отпустить саму себя, чтобы освободить руки для Агнес.

Песчаные смерчи на плайе теперь поднимались выше и плясали дольше и ближе к тому месту, где сидела Беа. В воздухе пахло пылью. Когда она попыталась дышать ртом, чтобы избавиться от запаха, на зубах заскрипел мелкий песок с затхлым привкусом. Она огляделась. Они в облаке тумана или уже сумерки? Прищурилась, высматривая солнце, и разглядела его, мутно просвечивающее высоко в небе. Обернулась в сторону далеких пыльных бурь и увидела теперь только одну большую. Мечущийся язык раздулся в облако на горизонте. Только теперь весь горизонт был этим облаком и придвинулся слишком близко.

Беа встала.

Она слышала, как возятся позади Дебра и Хуан, готовя ужин. Остальные разбрелись в поисках растопки и воды. Быстро обернувшись, чтобы бежать к лагерю, она увидела, что за ее спиной стоит Агнес, загипнотизированная облаком, сжавшая в кулачки опущенные вдоль тела руки. Беа кинулась к Агнес, схватила ее за стиснутый кулак, потащила за собой к лагерю. Агнес споткнулась, Беа взглянула на дочь. Ее рот был открыт, губы шевелились, и Беа поняла, что не слышит ничего, кроме рева, который начался так тихо и нарастал настолько постепенно, что она замечала лишь, как усиливается давление в ушах. Она закричала Дебре и Хуану, но не услышала собственного голоса. А они уже бежали прочь. Закинув Агнес к себе на спину, Беа понеслась в ту сторону, куда ушли остальные за водой. И смотрела прямо перед собой, в землю, чтобы не споткнуться, а кусты, через которые она ломилась, раздирали ветками ей ноги. Агнес уткнулась лицом ей в шею, и только теперь, когда ее губы были почти у самого уха Беа, та наконец расслышала ее. Агнес плакала. Беа ощущала на шее горячие слезы и слюни. А потом она уже не видела ничего, не могла выпрямиться, кожа словно горела от укусов тысяч иголок и беспорядочных ударов содрогающихся камней. Она споткнулась о куст полыни, рухнула на колени, Агнес перелетела через ее голову, все ее лицо исказилось от вопля, но ни единого звука не донеслось сквозь вой ветра. Беа поползла, вслепую пытаясь отыскать дочь, и наконец схватилась за ее ногу. Подтащив Агнес поближе, она накрыла ее скорчившееся дрожащее тельце собой.

Ветки, комья земли и камни обрушивались на Беа, рев вдруг стал приглушенным, и у нее мелькнула мысль, что ей, должно быть, засыпало уши песком. Она согнулась так, чтобы спиной прикрывать обе их головы, нащупала растущую вокруг нее и над ней стену мусора и обломков, угрожающую накрыть ее, будто теперь, когда они остановились, их хоронили заживо. Плотнее обхватив всем телом Агнес, она заскрежетала зубами под натиском бури. А потом способность чувствовать хоть что-нибудь милосердно покинула ее.

* * *

Беа услышала невнятный щебет птицы над головой. Учужала затхлый запах мочи в их с Агнес гнезде. Кто-то из них двоих обмочился.

Она с трудом разлепила склеившиеся веки. Тауи нерешительно стоял перед ней, разглядывая ее черным пытливым глазом. Прыгнул, нахохлился, и над его перьями взлетело в воздух облачко пыли. Беа подняла голову и застонала. Птица упорхнула.

При попытке выпрямиться с Беа повалился какой-то мусор. Казалось, позади нее обрушилась песчаная стена. Редкостный подарок бури, иначе камнями ее забило бы насмерть.

Под ней зашевелилась Агнес.

– Ты описалась, – невнятно и укоризненно сказала девочка.

Беа откатилась в сторону, чтобы дать дочери встать. Агнес поднялась на ноги и отряхнулась. Но, когда подняла голову, ее глаза вдруг расширились, она оцепенела.

Беа вскочила на ноги перед Агнес, опасаясь очередной угрозы вроде стада бизонов, грозящего затоптать их. Но Агнес смотрела, не отрываясь, на землю и небо.

Солнце садилось за гряды холмов, дневной свет быстро угасал. В небе наклонно и лениво всплывал розово-перламутровый полумесяц. И казался таким огромным, словно это всходила половина другой земли. Вокруг громоздились кучи песка, из которых жалко торчали ветки полыни. Земля перед ними там, где раньше была плайя с сухими неровными трещинами и кустами, теперь походила скорее на лунный ландшафт, кратеры на котором заменяли торчащие пучками над песком верхушки полыни. Новые дюны приглушили звучание мира. Они прислушались, чтобы различить гудение сумеречных насекомых, трель тауи, звуки, которые мог издать кто-нибудь из остальных, но не услышали ничего, даже пыльной бури, прощально повиливающий хвост которой Беа все еще различала на горизонте.

Несмотря на протесты Агнес, она ощупала и осмотрела ее. Ее дочь осталась невредима, а самой Беа казалось, что у нее истерзано все тело.

Они двинулись вперед медленным, преувеличенно осторожным шагом гуляющих по Луне, песок разъезжался под их ногами. А когда достигли твердой почвы, до которой не добралась буря, ринулись вперед резво, будто вырвались из когтей ловца.

Они прошли мимо того места, где готовили еду Дебра и Хуан, и не увидели ничего, кроме опрокинутого Чугунка, деревянных мисок, безнадежно испорченной еды.

Беа поискала взглядом пруд, куда ушли остальные, но не увидела никаких его признаков. Потом два низко летящих пятнышка постепенно стали снижаться и наконец готовиться опуститься на землю поодаль, но не слишком далеко. Они хлопали крыльями, вскидывали головы, свешивали ноги и вскоре пропали из виду, а Беа повела Агнес в том направлении, где приземлились пятнышки, надеясь найти там воду.

Некоторое время они шли в тишине, после чего услышали гогот гусей. И тогда увидели его – пруд у подножия невысокого откоса. Но не тот, к которому шли. Тот был просто растекшимся родником, обросшим по краям камышом и ваточником. А этого они раньше не видели – он прятался за горизонтом. Маленький, почти идеально круглый, с мутной и желтоватой от минералов и гнили водой, но в ней плескались два гуся, две утки и несколько поганок. Беа увидела звериные тропы, ведущие к краю воды и от него. Пруд казался уединенным и защищенным, хоть надежной защиты в Дебрях не было нигде.

Беа взглянула на Агнес.

– Какая же ты грязная, – сказала она. Бронзово-рыжеватые волосы Агнес склеились. Кожа поблескивала – облепившие ее мелкие песчинки отражали свет.

Агнес застенчиво улыбнулась, пряча смех.

– *А сама-то...* – Отколотый зубик придавал ее улыбке невозможную дурашливость, от которой у Беа щемило сердце.

– Давай-ка поищем что-нибудь для костра, а потом окунемся, пока не зашло солнце, – предложила она и взяла Агнес за руку.

* * *

Обсыхая, они дрожали в ознобе, и Беа пришлось признать, что мысль насчет купания была неудачная. Глупо это – пережить страшную пыльную бурю только для того, чтобы замерзнуть насмерть, искупавшись после нее.

Для костра они собрали ветки и сухую траву, теперь искали, что бы приготовить на огне. Беа хотелось мяса и жира, чтобы защититься от холода, дыхание которого теперь ощущалось в воздухе. У пруда паслись гуси, Беа с Агнес затаились в невысокой траве, вооружившись

рогаткой. Повсюду вокруг квакали лягушки, и Беа думала, что на худой конец можно поймать несколько штук, изжарить и обглодать ножки и мясо вокруг слизистых брюшек. Агнес притихла, стала задумчивой, и Беа сосредоточила все внимание на гусях, стараясь получше узнать их, прежде чем что-нибудь предпринимать. Купание людей их не спугнуло. Хороший знак. Но, если сейчас они всполошатся и улетят, они с Агнес останутся голодными.

Девочка настороженно вскинула голову. Беа решила, что она услышала что-то подозрительное, но девочка широко раскрыла глаза и спросила:

– Это Карл сделал?

– Что сделал?

– Ветер.

– Нет, конечно, детка. А почему ты так решила?

– Потому что он как-то говорил, что нам надо разделиться. Вот мы и разделились.

«Удивительно, какой серьезной она кажется, – думала Беа, – будто впрямь верит, что это Карл взбаламутил песок». И вдруг по ней прошел холодок. На самом деле мысль не так уж абсурдна, осознала она. Было что-то тревожное и настораживающее в многочисленных умениях Карла. В том, каким он стал полезным. Ребенку он вполне мог показаться способным на что угодно.

– Нет, солнышко, – сказала Беа, – это не он. Просто совпадение.

– Что это?

– Ну, – начала Беа, – это когда какие-то вещи кажутся связанными одна с другой, а на самом деле все не так.

– Странно. А разве не все связано?

– Вообще-то нет, не все.

Агнес еле слышно возразила:

– Нет, все.

– Понятно, что ты так считаешь, потому что здесь все кажется связанным. Но поверь мне. Там, откуда я родом, связано не все. Иногда кое-что просто случается. – Она кивнула, чтобы закончить мысль. Но на самом деле была обескуражена. Сама идея, что происходит нечто превосходящее их самих, постепенно начинала доходить до нее.

Они притихли, слушая, как две лягушки ищут друг друга в воде.

– А баба жила в доме?

– Когда была молодой.

– Я бы хотела жить в доме.

Беа поморщилась.

– Правда?

– Они красивые, – сказала Агнес. Сказала дерзко, утверждаясь в новом для нее ощущении правоты.

– Откуда ты знаешь?

Ей казалось, Агнес в жизни не видела домов. Может, приняла Посты за жилые дома? Но они ведь даже не особенно красивые.

– Из журнала. – Она смело призналась в том, что лазила в тайник Беа.

В припрятанном журнале были новые тренды в дизайне и развороты со снимками современных стильных квартир вроде оформленной ею, но в число самых популярных изданий среди уцелевших этот журнал вошел благодаря разворотам с винтажем, которые публиковал каждый месяц. С архивными снимками. Из прежних времен. Со старинными поместьями, просторными пентхаусами, фермами в роскошно-рустикальном стиле, с передними верандами, лужайками и даже с небесно-голубыми бассейнами, с пейзажами, которые было так приятно разглядывать, с мансардами, со всевозможными домами для любого климата и погоды. Удивительно было смотреть на эти снимки сейчас. На все то, чего больше не существовало.

– Ты права, те дома были очень красивы. Но их уже нет.

– А почему нет?

– Это серьезный вопрос.

– И что?

– Просто нет, и все. Теперь все такие места в Городе, и ты же помнишь, выглядят они совсем не так.

– А какими они были?

– Там, где жила баба?

– Да, когда она росла.

Рассказы о детстве матери Беа складывались в похожую на сон картину, которая существовала в ее памяти в виде скорее ряда моментальных снимков, нежели как фильм. Беа дорожила ими, возможно, именно потому, что они были такими далекими и чуждыми. Настолько недостижимыми. Когда ее мать росла на обсаженной дубами улице, застроенной домами на одну семью, мир был совсем другим. Тогда они находились в середине шкалы времени, а не на резко обрывающемся конце. Потому и воспоминания казались сладкими. Добрыми сказками. Беа старалась пореже развлекать Агнес рассказами о Городе, хоть дочь и часто просила напомнить о нем. Но Беа не хотела, чтобы Город приобретал мифический оттенок. Теперь они живут здесь, незачем Агнес задумываться о том, как живет где-то еще. Однако эти описания дома там, где больше нет домов, были как любимая книжка со сказками на сон грядущий, с выпуклыми рисунками и потрепанными страницами. Для развития воображения. Безобидно, считала Беа.

Она позвала:

– Сядь рядом.

Агнес переползла поближе.

– Раньше я часто слышала такие рассказы от твоей бабушки. Как ты уже знаешь, там было красиво. Старые дома, и в каждом множество чудесных узорчатых вещей на дверях и на потолках. А еще там были такие штуки, назывались «камины», – для того чтобы разводить костер прямо внутри дома.

– Так странно.

– Да. И очень приятно. Перед домами были большие дворы, и люди, которые там жили, сажали цветы, красивые кусты и деревья, и весной все это приятно пахло. Прилетали птицы и пчелы, прибежали скунсы из леса и пугали бабу, и белки цокали ей, когда она проходила мимо их дерева.

– Как здесь, – изумилась Агнес.

– Да, почти как здесь. С тех пор прошло много времени. А раньше баба часто ходила в парк дальше на той же улице, и там был большой пруд, на пруду жили гуси, и она смотрела на них.

– Рядом с местом, где спала?

– Да, чуть дальше по улице от ее дома. И она смотрела на гусей и думала, как им повезло – у них есть такой чудесный пруд, очень тихий. Иногда рано утром она приходила туда, а над прудом поднимался туман, и листья лилий казались серебристыми.

Она как будто описывала картину или то, что видела своими глазами. Беа не знала, где заканчиваются воспоминания матери и начинаются ее собственные.

– И мы здесь такие видели. – В голосе Агнес проскользнуло раздражение. Старание не впечатляться.

– Видели. И еще много прекрасного. Вот об этом и речь. Я смотрю на гусей здесь и вижу то, что у них было тогда. Такое исключительное, уникальное. Должно быть, те гуси считали, что им повезло. И наверняка знали, что у других гусей все не так хорошо. А ты как думаешь?

– Не знаю.

– Ну, угадай.

– А в других местах есть гуси?

Беа полагала, что гуси должны были водиться везде, только не в Городе. Но что теперь, не знала. А как же те, другие земли в активном пользовании? Целые города теплиц, холмы на местах захоронения отходов, моря ветряков, Лесонасаждения, Серверные фермы. А земли, заброшенные давным-давно? Жаркий Пояс, Паровые земли, Новый Берег. Неужели и они могли быть исключительными и уникальными? И многие из них были одно время. С трудом верилось, что могли остаться до сих пор. Ей были ненавистны мысли обо всех этих местах – какими они когда-то были, какими теперь стали. Беа пожала плечами.

– Я знаю только, что гуси есть здесь, – сказала она, указывая на птиц. – И от гусей на пруду у бабы они отличаются только тем, что гусям в парке ничто не угрожало. Они вели себя глупо. Бродили по лужайкам у домов и по улицам. Переводили гусят через дорогу. А грузовики останавливались, пропуская их. Гуси не боялись. Там, где жила баба, не водились хищники, а люди старались защищать животных. Думаю, гуси об этом знали. Здесь же гуси осторожны, потому что у них есть хищные враги, и мы – одни из них.

– Что стало с прудом?

– Его засыпали, гуси улетели, а вскоре после этого уехала и баба.

– Еще до того, как родилась ты?

– Задолго до того.

– Куда улетели гуси?

– Не знаю. В никуда. Некуда было лететь. Может, сюда. Может, это они и есть.

– Тогда они старые.

– Наверное.

– Интересно, узнала бы их баба, если бы она была здесь.

Беа ощутила вспышку гнева при мысли, что рядом нет ее матери. Раньше она этого не сознавала. «Матери обязаны быть рядом со своими детьми», – утверждал голос у нее в голове. Да, она взрослая, но что еще у них есть, кроме семьи, друг друга, череды женщин? Ее мать убило то, что бабушка Беа, ее мать, поначалу не согласилась уехать с ней в Город. Что ее бабушке совместная жизнь в Городе казалась недостойной того, чтобы ее вести. А она здесь, вместе с Агнес. Не то чтобы ей этого хотелось, но она решилась. И матери, впервые подумала Беа, сжав челюсти, следовало быть здесь.

Она подняла рогатку, вложила в резинку подходящий камень. Два гуся были настолько зачарованы прудом и друг другом, что даже не услышали щелчка. И лишь когда камень выбил из одного облачко перьев, другой взвился в воздух с несчастным гоготом, оставшись одиноким.

Агнес забрела в воду, чтобы вытащить птицу.

– Ты сделаешь мне подушку? – спросила она, когда вернулась, разглаживая перья и размазывая по ним кровь.

Беа забрала у нее гуся, перерезала ему горло, чтобы убить наверняка и спустить кровь.

– Я сделаю тебе самую мягкую из подушек, родная моя.

* * *

Пока они облизывали пальцы дочиста, Беа заметила, что Агнес дрожит. Ночь ожидалась холодная, а у Беа были при себе далеко не все шкуры, на которых они обычно спали. Большую часть их скарба носил Глен. Костер от холода уже не спасал.

Беа спросила:

– Может, нам стоило бы поискать остальных?

Агнес помотала головой:

– Мне нравится здесь с тобой.

У Беа дрогнуло сердце. Она подыскала подходящие по размеру камни и положила их в костер, чтобы согреть для постели.

– Почему мы жили в Городе, если он такой плохой?

– Потому что там жили все.

– Кроме твоей бабы.

– Ну, моя бабушка тоже переселилась туда, когда ее вынудили покинуть дом. Некоторое время она жила с нами. Пока не умерла.

На небе замерцала первая звезда. Луна смелее выглянула из своего логова.

– Тебе нравится Город? – спросила Агнес.

– Иногда, – сказала Беа.

– А что тебе в нем нравится?

– О, да все хорошее.

– Например?

– Ну, еда. В Городе еда другая. Больше для удовольствия, чем для того, чтобы появились силы. Конечно, теперь все уже по-другому, но, когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, еда была главным удовольствием.

Агнес перевела взгляд на свои руки, и Беа вдруг сообразила: девочка, возможно, даже не знает, что такое удовольствие. Или знает, но понятия не имеет, как это называется. Слишком многое из того, что они делали изо дня в день, было просто жизнью. Они не облекали ее в слова.

– А что такое удовольствие, ты знаешь. – Беа притянула ее к себе и погладила по спине. Агнес прикрыла глаза. – Видишь, как это приятно? Могу поспорить, тебе сейчас тепло и надежно. Это и есть одно из удовольствий. – Беа медленно просунула пальцы в подмышку Агнес и пощекотала ее. Агнес взвизгнула, расхохоталась и в шутку набросилась на Беа. – И вот эти дурацкие ощущения – тоже удовольствие.

Агнес уткнулась лицом в живот Беа, обхватила ее за талию костлявыми руками. Сквозь одежду Беа кожей чувствовала ее горячее неглубокое дыхание.

– Есть самые разные удовольствия – от утешения до восторга, – продолжала она, прижимая дочь к себе. – Еда может быть и тем и другим.

– А какая еда тебе нравилась больше всего?

– Наверное, смотря когда. Если бы ты спросила меня, когда я была в твоём возрасте, я назвала бы пиццу. Ты помнишь пиццу?

Агнес покачала головой.

– Такой большой, круглый, теплый, легко жующийся хлеб с тягучим сыром? А сыр помнишь? А пасту из помидоров? Помнишь помидоры?

Агнес улыбнулась. Теперь она их вспомнила.

– А теперь я, пожалуй, скушаю по овощам.

– По каким овощам?

– Всяким. Дикую зелень и клубни мы здесь находили. Но ты представить себе не можешь, какие овощи у нас были раньше. Самых разных цветов, но я особенно скушаю по зеленым. С удовольствием съела бы прямо сейчас целую тарелку овощей.

– И я тоже.

– И жареной картошки. И чего-нибудь со сливками. Соскучилась по сливкам. И по молоку. Охотно выпила бы стакан молока. Раньше ты любила молоко. Ты помнишь?

– Да. Я любила ледяное молоко.

– Ты любила мороженое.

Агнес прикусила губу и умолкла.

– Почему мы не живем там? – наконец спросила она, явно силясь вспомнить.

– От тамошней жизни ты заболела.

– Больше я уже не болею.

– Правильно.

– Мы живем здесь только поэтому?

– Нет.

– А почему еще?

– Ну, вообще-то Глену хотелось побыть здесь. Все это переселение – его затея.

– А тебе хотелось побыть здесь?

Беа невольно рассмеялась.

– Почему ты смеешься?

– Потому что это большой вопрос.

– А маленькие вопросы бывают?

– Бывают, и большие, и маленькие. Как и большие и маленькие ответы. А это – большой вопрос с большим ответом.

– Это значит, что ты мне не скажешь?

Беа улыбнулась. *Моя догадливая дочь*, подумала она.

– Тебе надо было сюда, а мне надо было с тобой, – ответила она. – Вот я и здесь. – Это был ее маленький ответ. С большим ответом дело обстояло намного сложнее. И, вероятно, значения он не имел.

Агнес нахмурилась.

– Но если мне уже лучше, значит, ты уедешь?

Беа ответно нахмурилась.

– Нет, разумеется.

– Разве ты не скучаешь по Городу? – продолжала расспросы Агнес.

– Я же тебе говорила – иногда. – Беа понимала, что ответ не удовлетворит Агнес, но что еще она могла добавить? – *А ты-то* хочешь жить *там*? – спросила она у дочери.

Агнес пожала плечами. Такой искренний жест. Откуда у нее могло взяться собственное мнение?

– Чем тебе нравится здешняя жизнь? – спросила Беа.

Агнес снова пожала плечами, но на этот раз уже не так искренне. На этот вопрос у нее имелись ответы, но не было никакой возможности хотя бы попытаться высказать их.

– Давай попробуем по-другому: что в здешней жизни тебе *не* нравится?

Агнес задумалась.

– Пума не понравилась.

– И мне тоже.

– И змеи не нравятся, – добавила девочка.

– Все змеи или только гремучие?

Агнес нахмурилась.

– Все они, – ответила она шепотом, будто боясь, что они подслушают.

– Ну, а в Городе змей нет, – сказала Беа и задумалась о том, насколько это правда. И о том, какой маловероятной ей показалась мысль, что где-то вообще нет змей, – теперь, когда она знала все тайные уголки, в которых они могут водиться.

Эти сведения, похоже, оставили Агнес равнодушной. Она поняла, что змеи – лишь маленький ответ на большой вопрос.

– По-моему, нам надо поспать, – сказала Беа. – Так холодно, и ты дрожишь.

Агнес кивнула:

– Я мерзну.

Беа вынула камни из костра и завернула их в две опустошенные сумки.

– Горячие, – предупредила она.

Они съжились под их единственной шкурой, Беа свернулась в клубок вокруг Агнес, обе прижали к груди по горячему камню.

Несколько раз за ночь Беа просыпалась и видела луну каждый раз на новом месте в небе. Она словно звала, хотела, чтобы ее заметили. *Смотри, теперь я вот здесь.*

Посреди беспокойного сна глаза Беа вдруг разом открылись, сон как рукой сняло, она насторожилась. Прислушалась и отчетливо различила то же самое, что услышала сквозь сон. Что-то двигалось поблизости. Что-то большое. *Может, медведь*, мелькало у нее в голове. *Плохо дело. Пума. Еще хуже, но пуму я бы не услышала, ведь так? Если бизон, то по крайней мере он не попытается нас съесть, но может затоптать. Кто бы это ни был, он высокий.* Он сделал еще шаг, и она подумала: *Не такой уж и большой. Может, волк? Вапити?*

Она напряглась, готовясь схватить Агнес и бежать или закрыть собой спящую дочь.

Потом послышался треск и кто-то охнул.

– Кто здесь? – шепотом спросила она.

– Беа?

– Карл?

Он заковылял к ним и сразу же чуть не наступил в золу их костра.

– Сюда. – Она подняла руку, чтобы он не наступил на нее. Он схватился за нее, придвинулся ближе и присмотрелся.

– И правда *ты*, – с облегчением сказал он.

– А ты думал, медведь, который знает, как тебя зовут?

– После сегодняшнего... – начал он и не договорил.

Беа поняла. Теперь она увидела, что у него при себе тук с вещами. Встала и забрала его. Внутри была шкура – размером побольше и потеплее.

– О, спасибо. – Она укрыла шкурой Агнес.

– Еды у меня нет, – сообщил он, и она уловила в его голосе безграничную усталость.

– Почему ты не лег где-нибудь спать?

– Нарвался на неприятности.

– На какие?

– Не уверен, но кто-то точно шел по моим следам.

– И ты явился сюда? – Она повысила голос и инстинктивно придвинулась ближе к Агнес.

– Теперь уже все в порядке, но пришлось идти и идти, а я в то время не знал, куда. Потом увидел, как над головой пролетел гусь, и попытался найти место, откуда он поднялся.

Карл со стоном уселся.

– Ты ранен?

– Не то чтобы, но я, кажется, порезался, пока блуждал в темноте.

– А где Вэл?

– Не знаю. Я сказал ей держаться рядом, но она, конечно, не стала.

Он разломал ветку на части, бросил их на золу, и мгновенно язычки пламени появились там, где ветка коснулась подернувшихся пеплом, но сохранивших жар углей.

– Что ж, я уверена, это она нарочно, – сказала Беа.

Он издал краткий и резкий смешок.

– Ага, *нарочно*, вот только ничего из этого не вышло. – Он покачал головой, и Беа фыркнула, удивившись тому, с какой легкостью – и к месту – он ополчился на свою союзницу. Пospешно прикрыв рот, она бросила взгляд на Агнес, но та будто бы в самом деле спала, дыхание расслабленно выходило из горла. Беа отметила, что впервые подумала про Карла и Вэл вот так, как сейчас. Да, они были парой, мало того – союзниками, и это отличие казалось важным.

– Вот это был дурдом, – сказал Карл, явно испуганный тем, что они повидали.

– Я перепугалась.

– Так ведь и я тоже, Беа. Никогда в жизни мне не было так страшно. – Он перевел дыхание. – Но это же уму непостижимо. Ландшафт изменился до неузнаваемости.

Из-за облаков выглянула луна.

Беа всмотрелась в лицо Карла при лунном свете. Его лоб пересекали две сочащиеся кровью царапины. Она подавила в себе порыв потянуться к ним, ощупать, обработать.

– Кто-то из наших наверняка ранен, – сказала она. – Или еще хуже.

Он кивнул.

– Беспокоишься за Глена?

– Да. А ты – за Вэл?

Он выпрямился.

– Не особенно.

И Беа подумала, что это может означать что угодно.

Они помолчали. Беа слушала, как у берега пруда гортанно рывкает лягушка. Будто красуется своими размерами, издавая каждый новый рев громче предыдущего. Недавняя спутница лягушки куда-то подевалась.

– Знаешь, Агнес подумала, что это ты вызвал.

– Вызвал что?

– Пыльную бурю. Потому что ты говорил нам приготовиться разделить, вот нам и в самом деле пришлось.

Карл довольно засмеялся.

– Надеюсь, ты объяснила ей, что это сделал я.

Беа усмехнулась.

Он продолжал, посерьезнев:

– Конечно, ничего такого я не делал.

– Знаю.

Еще несколько уток прилетели на пруд, и Беа представила, как они садятся, оставляя за собой на воде клинообразный след.

– Беа?..

– Да?

– Ты недолюбливаешь меня, да? – Вопрос прозвучал озабоченно, обиженно и вместе с тем уверенно.

Что она могла ответить? Она в самом деле недолюбливала его. И не сомневалась, что и он относится к ней так же. Чувствовалось в нем обычно что-то ушлое, но сегодня пропало. Сегодня все ощущалось иначе, будто появились новые правила или, скорее, правил не стало. Она набрала воздуха, готовясь к ответу.

– Может, без ответа обойдемся? – перебил он. – Я просто хочу, чтобы ты знала: что бы ты ни думала, как бы ни относишься к моим поступкам, я не такой плохой человек.

– Я и не считаю тебя плохим, – ответила она. Никакой он не плохой человек. Он ребенок, задира, глухой ко всему, кроме выживания, и здесь он царит, потому что царит и выживание. Ее раздражало то, как в разных местах процветают разные люди. Раздражало, что Глен, который романтизировал жизнь в дикой природе и знал ее историю, оказался к ней мало приспособлен. Если бы он легче разочаровывался, то наверняка бы уже сдался. Агнес больше не больна. Можно возвращаться домой. Если бы дом все еще выглядел удачной идеей. Удачные идеи относительны, их так трудно различить в темноте, когда в кишках у тебя булькает гусиная кровь, а тело согревается под звериной шкурой.

– Тогда я рад. Я восхищаюсь тобой и тем, что ты делаешь здесь вместе с дочерью. Твое присутствие здесь – это очень важно.

– На этот счет не знаю, – усмехнулась она.

– Зато я знаю.

Его искренность заставила ее умолкнуть.

Луна переместилась и теперь, опрокинувшись, выплескивала свое содержимое на небо. Звезды наливались ее светом.

– Чертовски холодно, между прочим, – сказал Карл, закончив вслух разговор, который вел мысленно.

Она перевела взгляд на Агнес, думая о тепле, которое распространяло ее маленькое пульсирующее тельце под новым одеялом.

– Нам надо поспать, – сказала Беа. – Вон там, на дереве, мы подвесили остатки гуся, которого поймали и приготовили. Там наверняка найдется несколько хороших кусков мяса для тебя.

– Видишь, ты здесь лучшая. – Его голос сочился лживой лестью.

Вот такого Карла она никогда не воспринимала всерьез. Когда он прошупывал почву ради какой-нибудь цели. Когда старался заручиться ее поддержкой в неких воображаемых выборах.

Она улеглась, слушая, как он осторожно идет к дереву. Звук его шагов теперь было бы невозможно спутать ни с каким другим. *Глупо было считать его зверем, явившимся сожрать нас*, думала она. Шаги звучали явно по-человечески. Забавно, что здесь это утешает. Она попыталась представить, как в Городе ее разбудили бы непрошенные человеческие шаги возле места, где она спала. Каким несравнимым оказался бы ужас.

Облака над головой тонко растягивались в воздухе, беспорядочно пересекаясь одно с другим, будто путаница проводов.

Вернулся Карл, забрался под принесенную им шкуру, которой накрылись они все. Шкура была большая, ему удалось укрыться, не дотрагиваясь до Беа.

Она слышала, как он стучит зубами, и понимала, что он пытается усмирить их, чтобы его не слышали. Но он еще дрожал всем телом так, что тряслись шкуры. Потом она почувствовала, как мало-помалу от него под шкурами прибавляется тепла, и немного успокоилась. И отодвинулась от Агнес настолько, чтобы нащарить руку Карла и потянуть его к себе. Он сразу придвинулся, обнял одной рукой ее и Агнес, другой рукой подхватил голову Беа оберегающим и нежным жестом. Ей показалось, что он уже был готов интимно запустить пальцы ей в волосы, но он этого не сделал. Просто поддерживал ее голову, и она лежала точно на подушке. От его пальцев пахло гусиным жиром и Карлом.

– Адский холод, – выдохнул он ей в волосы. Они лежали, накапливая тепло под шкурами, как маленькая потерявшаяся семья. Беа так и не вспомнила, когда в последний раз ей было так же тепло.

* * *

Когда Беа открыла глаза утром, Агнес таращилась на нее с презрением, смешанным с другими, менее очевидными эмоциями. Карл по-прежнему обнимал во сне Беа, но, поскольку Агнес уже не спала, такая милая прошлой ночью сцена теперь выглядела непристойной. Однако с презрением Агнес дело обстояло не так просто, о чем жалела Беа. Если бы! Под взглядом дочери ее сердце ухнуло в пятки, и на миг она подумала, что виновна в чем-то похуже. Гораздо хуже.

В сонном забытии Карл прижал ее крепче и уткнулся лицом в ее шею. Под шкурами было так тепло, что оба вспотели, она чувствовала, что приклеилась к нему. И постаралась как можно быстрее отстраниться.

– Ты же слышала, как Карл наткнулся на нас ночью, – чересчур жизнерадостно сказала она Агнес.

Та прищурилась.

– Нет.

Но Беа видела, что дочь врет.

– Ну так вот, он пришел и принес эту теплую шкуру, так что все мы спали под ней вместе.

– Это и есть то самое совпадение?

– Что, прости?

Агнес пнула камушек, но не ответила.

– Не срывайся на мне, юная леди.

– Что значит «срываться»?

– Вести себя как паршивка, – сказала Беа, и хоть она никогда прежде не говорила дочери ничего подобного, Агнес поморщилась, и Беа поняла, что ее вспышка гнева не прошла незамеченной. Намек был понят. Дивные чары совместной ночи рассыпались в прах, воспоминания о ней окислились от недовольства внезапным приходом Карла.

– Доброе утро, – подал голос он, довольно потягиваясь под шкурой. – Слышала вчера ночью, как я пришел, Агнес? Шуму от меня наверняка было! А мы с твоей мамой никак наговориться не могли...

Агнес направилась прочь.

– Остановись, – сказала ему Беа.

– Что? – Лицо Карла вытянулось, будто его оскорбили в лучших чувствах. А может, он ее разыгрывал. Неужели же он не понял, какие именно сложности создало его появление? Мысль была настолько же параноидной, насколько и потенциально верной.

Со склона над озерцом послышался щебет вроде птичьего. Судя по звукам, его издавал мужчина. Потом еще один – от женщины. Община подавала сигналы. С плато над прудом пустили солнечный зайчик – треснутым зеркалом, которым они пользовались для охоты, и, хоть никогда прежде не разделялись, зеркало должно было пригодиться теперь, когда это все-таки произошло. Беа защебетала в ответ, за ее спиной Агнес завопила: «*Pana!*» – так, будто ее похитили. Обычно она звала его Гленом.

– Агнес? – послышался его встревоженный крик.

– Она в порядке! – заорала Беа, чтобы затоптать в зародыше драму воссоединения.

– Беа! – с облегчением закричал Глен.

– Здесь внизу вода, – подал голос Карл.

– Карл? – Глен повысил голос так, что его возглас завершился целой вереницей вопросительных знаков.

Беа увидела, как он появился над склоном. И стоял, вытянувшись во весь рост, пока не высмотрел их, а потом ссутулился и почесал голову. Она суматошно замахала ему.

– Мы сюда за водой! – воодушевленно крикнула она, надеясь посеять у него в мыслях семена повествования о том, как она только что явилась сюда, нашла воду и Карла, так что беспокоиться совершенно не о чем, и все это выражали взмахи ее руки и пронзительный крик.

Он помахал рукой от локтя, который держал прижатым к боку.

Рядом с ним появилась Вэл, приставила ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь в их сторону. Беа заметила, как ее перекосило при виде их троих вместе, она повернулась к Глену, тот пожал плечами. Остальные члены Общины появились рядом с ними над склоном и радостно заголосили.

– Вода! – закричали они и начали съезжать по склону вниз.

В объятиях Глена при воссоединении чувствовалась натянутость, и Беа, не удовлетворившись ими, отвела его в сторонку от Общины, под прикрытием высокой травы, где уложила и приласкалась. Поначалу он дулся и отталкивал ее. Но ноги не сжимал, поэтому она без труда протянула руку между ними, улучив момент, когда он не отбивался, и вскоре промежутки между его приступами сопротивления удлинились. Он зажмурился, будто ему было безразлично, что делает ее рука, потом поморщился, сдерживая нарастающий стон, и снова попытался оттолкнуть ее. Это была игра и его награда, и Беа все тянулась к нему, словно каялась в том, что они никогда не стали бы обсуждать, – тянулась, пока, наконец, он не затвердел, не заулыбался и не насадил ее на себя. А потом она качалась на нем верхом, пока он не расслабился, и она тоже.

– Все дело, должно быть, в твоей нечистой совести, – предположил он, но довольным тоном, в котором она не уловила ни резкости, ни укоризны.

– Вообще-то нет, – ответила она. – А у тебя она больная.

Она и вправду чувствовала себя виноватой, но не перед Гленом. Ничего не было. Это всего лишь выживание. Что ее встревожило, так это Агнес. Ей казалось, Агнес лучше понимает, в чем суть выживания. Стала бы она переполняться презрением, если бы обстоятельства сложились иначе? Если бы это они остались голодными, замерзшими, без постели и случайно наткнулись на Карла? И он не стал бы спешить проявлять щедрость? Хоть он никогда и не давал волю своей похоти, Беа считала его способным на все. А если бы ей пришлось делать то, чего ей не хотелось, чтобы позаботиться о дочери и о себе? Именно этим она и занималась только что под пустым небом в далекой земле, разве нет?

Ту ночь они решили провести у пруда. Карл, Глен и Хуан направились к гряде, надеясь раздобыть мяса. Беа провожала мужчин взглядом и видела, как Глен сторонится Карла, говорит с Хуаном, а тот потом обращается к Карлу. Но когда они вернулись с тремя зайцами и каждый легонько помахивал своим при ходьбе, Глен и Карл хохотали в голос, и Беа не смогла вспомнить, когда в последний раз видела их смеющимися вместе. Здесь она зачастую забывала, что когда-то Глен был преподавателем Карла. А Карлу, похоже, часто досаждало, что окружающие высоко ценят Глена. «Но не в этот раз», – думала она, глядя, как Карл хлопает Глена по спине и залиvisto смеется каким-то его словам. Глен ответил ему сияющей улыбкой, почти как если бы был студентом, искал одобрения и остался доволен, получив его. Они сели и сложили зайцев к ногам Карла. По хребту Беа прошел холодок, она прищурилась, и как раз в этот миг Карл поднял голову и встретился с ней взглядом. Все еще усмехаясь, он подмигнул ей, выхватил откуда-то из-за спины нож и сделал на своем зайце длинный неглубокий надрез.

Пока они свежевали зайцев, Дебра и Вэл развели костер, над которым мясо поджарили на вертеле. Его получилось немного, но было приятно поесть свежей горячей зайчатины, и они ели жадно, судорожно, набивая желудки про запас.

Они обыскали то место, где на них обрушилась пыльная буря, отыскивали Чугунок и другую кухонную утварь. Им удалось сохранить личные вещи, постели и шкуры – то, что они носили привязанным к спине. Несколько минут поисков – и Книжный Мешок был найден и откопан. Инструкция тоже. Мешки с мусором, которые они набивали с тех пор, как покинули Средний Пост, пропали.

– Если эти дюны когда-нибудь расчистятся, за наш мусор мы нарвемся на здоровенный штраф, – сказала Дебра и поцокала языком, словно ей было кого винить.

– А может, песок похоронит его навечно, – возразил доктор Гарольд.

– Через сотню лет какой-нибудь ученый возьмется исследовать эти дюны и будет диву даваться: *что здесь была за удивительная цивилизация?* – Вэл дико вытаращила глаза, будто представляя, как сама видит эту картину.

– Можно подумать, через сотню лет все это так и будет здесь, – вставила Беа и поспешно захлопнула рот. Она не хотела, чтобы ее слова прозвучали так горько. Напротив нее в неровном кругу сидела на корточках Агнес, никогда не упускающая шанса поучаствовать в разговорах. Ее маленький рот удивленно открылся, и Беа стало тошно. *Не вздумай испортить эти места для нее*, упрекнула она себя.

– Беа... – На лице Вэл отразились опустошенность и растерянность. – О чем ты?

Дура Вэл. От ее невежества цинизм в Беа взыграл с небывалой силой, она напрочь забыла о присутствии Агнес.

– Это *сейчас* здесь штат Дебри, – объяснила Беа. – А до того были россыпи городков и ферм, где выращивали люцерну. А еще раньше – земли ранчо. А до того... продолжать или хватит? Потом здесь будет еще что-нибудь. Дай только срок. – Раньше она об этом особо не задумывалась. Но внезапно, услышав, что здешние края просуществуют еще долго после их

смерти, она в глубине души поняла: этого не будет. И подумала, что абсурдна даже мысль о том, что они сохранятся *до тех пор*, пока *ее* не станет. При условии, что она не умрет сию же минуту.

– Бред какой-то. Это же последние дебри. Насчет этой земли приняты серьезные законы, – возразила Вэл.

– Думаешь, насчет прочих дебрей не было законов? И как же, по-твоему, эти стали *последними*?

– Законы есть, но их можно переписать, – вмешался Глен.

– Ой, да ладно тебе, Глен! – воскликнул Карл. – «Законы *есть*», – кривляясь, передразнил он Глена.

Вид у Глена стал страдальческим.

– Я всего лишь констатировал факт существования законов...

– Серьезные законы есть, и все же нас впустили сюда. – Беа пожала плечами. – А теперь – смотрите, мы раскидываем повсюду свой мусор. Думаете, на этот счет есть закон?

– Ну уж гребаное правило наверняка есть, – буркнул Карл.

Вэл, казалось, чуть оторопела.

– Ну да, – выпалила она, но продолжать не стала. Разговор угас слишком рано для нее, думала Беа. Момент был быстро упущен. Должно быть, все они еще не отошли от бури и от разлуки. Хоть порой между ними и вспыхивала неприязнь, но обычно они неплохо ладили.

– Ой, хватит, – прервала Дебра. – Суть в том, что когда-нибудь некий ученый – ну, или рабочий на стройке, Беа, – выкопает мешок с нашим мусором.

– И, когда будет перебирать его, найдет использованные тампоны Вэл, – подхватил Хуан. Они рассмеялись, радуясь, что отошли от спора.

Вэл нахмурилась.

– Я же вам говорила: ничем другим я пользоваться не могу.

– Не верится, что у тебя до сих пор месячные, – сказала Дебра.

– Я молодая! – выкрикнула Вэл.

Дебра вскинула брови.

– Я за то, чтобы заставить Вэл заплатить штраф, если наш мусор все-таки найдут, – сказал Карл.

Все ждали, что он рассмеется, поставит точку в шутке, но он не стал. Его сердитый взгляд был устремлен на костер.

– Карл... – жалобно выговорила Вэл, как будто пыталась уговорить его не ссориться при всех.

– Ну что? – рявкнул Карл. – Не можешь приспособиться – мирись с последствиями.

У Вэл отвисла челюсть. Беа поморщилась, сочувствуя ей. Предательство было очевидным.

Вэл поднялась и направилась прочь от огня надменно и зло, ожидая, что Карл пойдет за ней. Но он остался сидеть. Беа смотрела, как Вэл исчезает за границей круга, освещенного костром. Ее фигура вместо цветной стала блеклой, потом состоящей из серых точек и наконец растворилась в темноте. Переведя взгляд на Карла, Беа увидела, что он наблюдает за ней. Он ухмыльнулся ей поверх огня так, будто поделился шуткой. Потом ухмылка пропала, и он глазел на нее, пока Беа не отвела взгляд. Она потянулась в темноте за рукой Глена, и, хотя они сидели у огня, его рука оказалась холодной. Поискала взглядом Агнес, но ее не было на прежнем месте. Она улизнала. Беа вновь стало стыдно за свой цинизм. Оставалось лишь надеяться, что он не встревожит Агнес. Она заслужила право считать, что эти места охраняются. Хотя сама она, вдруг поняла Беа, воспринимала Дебри скорее как тематический парк. Который, скорее всего, со временем станет свалкой отходов или еще чем-нибудь полезным.

За Вэл никто не пошел. Набравшись тепла от костра, все расходились по своим постелям – один за другим, семья за семьей. Наконец и Вэл примчалась – к тому времени, как док-

тор Гарольд принялся мочиться в костер, заливая его. Обычно он засиживался дольше всех, потому что укладываться ему было не с кем.

– Она возвращается, – объявил он, стряхивая пенис и заправляя его в штаны.

Вэл влетела напрямик в спальный круг, в котором раскладывала постели для себя каждая семья и каждый член общины, миновала место, где только что улеглись Беа и Глен. Широкими шагами она подступила к Карлу, который лежал поверх своей постели, закинув руку за голову, и в притворной задумчивости глядел на звезды. Все внутренне сжались, готовясь к ссоре, к визгу Вэл, лаконичным и надменным ответам Карла, может, к пинкам ему в бок. К одному из их обычных препирательств, в которых Карл изображал благородство, а Вэл не брезговала дешевыми уловками. Но вместо этого Вэл задрала свою тунику и уселась на него верхом одним быстрым движением, напомнившим Беа бросок большой кошки. Вэл душила Карла и одновременно начала трахать его. Выкрикивала непристойности, пока он рычал и клекотал. Минуты не прошло, прежде чем он оторвал ее пальцы от своего горла, схватил за волосы и запрокинул ее голову назад так резко, что все вокруг слышали хруст ее выпирающих ксилофоном позвонков и то, с каким ужасом и возбуждением она ахнула. Потом ладони Карла вцепились в ее бедра, он задергал ее туда-сюда, сердито рыча, она вцепилась ногтями ему в грудь. Их секс был настолько шумным и агрессивным, что Беа потянулась к Агнес, чтобы закрыть ей уши, и с облегчением вспомнила, что Агнес улизнула и, насколько было известно Беа, не видела, что происходит.

Все старались смотреть куда угодно, только не на освещенные звездами тела неистово трахающихся Карла и Вэл, и слушать что угодно, только не их звериное рычание и вопли. Но не обращать на них внимание было трудно. Беа слышала, как кое-кто из остальных притих, лаская себя. Глен потянулся к ней, прижался вставшим членом, но она оттолкнула его, хоть в ней и пульсировало желание. Разочарованный, он обхватил себя рукой и отодвинулся от нее. Оба лежали под звездами без сна и в смущении.

* * *

Они полагали, что Пост находится по другую сторону плаьи, теперь почти занесенной дюнами. Но плаья была огромна. Гораздо больше, чем они думали. Идти пришлось по рыхлому песку. Продвигались они медленно.

Спустя сутки им показалось, будто они видят впереди строения. Чаше попадался человеческий мусор – то, что бросают на обочину, приближаясь к дому и становясь беспечными: фольгу от пластинки жвачки, некогда синий, а теперь пожелтевший колпачок от ручки. Они уже не сомневались, что видят впереди поблескивающие кровли.

После того как солнце полностью скрылось за грядой, они остановились, приготовили ужин и место для ночлега. Горы приобрели светло-серый оттенок камня.

К Чугунку выстроилась очередь, но Вэл прорвалась вперед и объявила:

– Мне нужно больше еды, потому что я ем за двоих!

Дебра и Хуан, помешивая содержимое Чугунка, вопросительно переглянулись, потом обвели взглядом остальных, ждущих своей доли. Уставились на Карла, который кивнул. Ей дали больше. Беа покачала головой. Вэл часто казалось, что она беременна. Но всякий раз она ошибалась, за что Беа была благодарна. Переваривать Карла и Вэл по отдельности было непросто. Беа не сомневалась, что Вэл хочет ребенка, чтобы скрепить этот союз и его власть. Обоим слишком нравилось быть во главе. При каждом удобном случае они пытались извратить любое решение Общины в соответствии со своими представлениями и злорадствовали, когда это им удавалось. «Лидерам не следует наслаждаться лидерством, – твердила Беа себе. – Как говорил Глен, оно должно быть ролью, которую берут на себя из чувства долга».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.